

A 228
545

228 на огнем

545

Генри Маудсли.

СОНЪ И СНОВИДѢНІЯ.

(THE SLEEP).

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Л. Е. Оболенскаго.

7

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА В. И. ГУБИНСКАГО.

1895.

Сочиненіе С. Смайлъса.

УМЪ И ЭНЕРГІЯ. „ЖИЗНЬ и ТРУДЪ“ (Life and labour). Сочин. Самуила Смайлъса. (Большой томъ). Переводъ подъ редакцію Д. А. Коропчевскаго. Характеристика изъ жизни великихъ людей, ц. 1 р. 50 к.

САМОРАЗВИТИЕ: умственное, нравственное и практическое, съ дополнительной статьей „Русские дѣятели“ (самодѣятельность) — Переводъ и дополненіе В. Вольфсона. Спб. 1895 г. 400 стр., ц. 1 р. 25 к.

ХАРАКТЕРЪ, Воспитаніе и образованіе. Перев. С. Майковой 6-е изд. 402 стр. Вліяніе семьи.—Товарищество и примѣръ.—Трудъ.—Мужество.—Самообладаніе.—Долгъ и правдивость.—Нравъ.—Манеры и изящество.—Общество книгъ. — Вліяніе брака.—Школа жизни. Ц. 1 р.

ВѢЧНЫЙ ТРУЖЕННИКЪ. Жизнь и приключенія шотландскаго натуралиста Томаса Эдуарда. Сочиненіе С. Смайлъса. 2-е изд., съ рисунками. Спб. 1888 г. Ц. 1 р. 25 к.

ДОЛГЪ. Нравственные обязанности человѣка. Сочинение С. Смайлъса. Переводъ съ англійскаго С. Майковой. 2-е изд. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

БЕРЕЖЛИВОСТЬ. Соч. Самуэля Смайлъса. Перев. съ англійск. подъ редакцію Сысоевой. Спб. Ц. 1 р.

Цѣль этой книги, побудить людей употреблять эти средства достойныя цѣли, а не растрачивать ихъ на удовлетвореніе пустынныхъ прихотей. Въ стремленіи къ этой цѣли встрѣтится человѣку много враговъ: праздность, легкомысліе, тщеславіе, порокъ, невоздержанность. Послѣдняя составляетъ самаго худшаго изъ всѣхъ враговъ. Въ предлагаемой книжѣ приведено много примѣровъ, показывающихъ, что одинъ изъ лучшихъ способовъ устранить язву пьянства состоить въ возбужденіи старыхъ и молодыхъ людей къ соблюденію бережливости.

Поступила въ продажу новая книга для юношей и взрослыхъ соч. С. Смайлъса. **Путешествіе мальчика „ВОКРУГЪ СВѢТА“.** (Съ рисунками).

Переводъ съ англійск. В. Вольского. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.—
1. Черезъ каналъ.—2. По направлению къ югу. — 3. Подъ тропиками.—4. Синяя куртка.—5. Въ южной Атлантике.—6. Вблизи Австралии.—7. Мельбурнъ.—8. Внутри страны.—9. Маорка.—10. Мои сѣди и знакомые.—11. Американская зима.—Наводненіе.—12. Весна, лѣто и осень.—13. Лѣсные звѣри.—Птицы.—Змѣи.—14. Сбыть и добыча золота.—15. Условія жизни среди пріисковъ.—16. По окрестнымъ мѣстамъ.—17. Конецъ пребыванія въ Маоркѣ.—18. Поездка въ Сидней.—19. Новая Зеландія.—Ауклэндъ. — 20. По Тихому океану.—21. Гонолулу и островъ Оаху.—22. Отъ Гонолулу до Санть-Франциско.—23. Отъ Санть-Франциско до Сакраменто.—24. Черезъ Сьерра-Неву.—25. Черезъ Скалистыя горы.—26. Отъ Омахи до Чикаго.—27. Отъ го до Нью-Йорка.

Генри Маудсли.

A 22
54

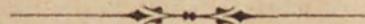
СОНЬ И СНОВІДНІЯ.

(THE SLEEP).

81³/VI°, 347

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Л. Е. Оболенскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА В. И. ГУБИНСКАГО.
1895.

Дозволено Цензурою Спб., 10 февраля, 1895 года.

89124-0

Типографія Дома Призрѣння Малолѣтн. Бѣди. Лиг. ул., д. 26.

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Общее колич. вып.	В переплет- ной ед. соедин. номера вып.	Таблиц	Карт	Иллюстра- ций	Служебн. номер	Номера списка и порядковый
60							

8
ст.р. бсе
5/03

197 81

8764

ес 179

СОНЪ И СНОВИДѢНИЕ.

Отъ издателя.

Эта глава изъ сочиненія знаменитаго психіатра Маудсли— „Паталогія мысли“, составляеть законченное, цѣльное произведеніе.

Собственно, она составляетъ начало второй части сочиненія, носящаго общее заглавіе „Physiology and Pathology of Mind“ (Физіология и паталогія мысли). Эта вторая часть вышла третьимъ изданіемъ, подъ заглавиемъ „The patalogie of Mind“, въ значительно расширенномъ, измѣненномъ и исправленномъ видѣ, такъ что ее съ полнымъ правомъ можно называть новымъ сочиненіемъ. Остальныя главы этой 2-й части слѣдующія: гипнотизмъ, сомнамбулизмъ и явленія съ ними емежныя, причины и предотвращеніе помѣшательства со стороны этиологической и атологической, помѣшательства дѣтскаго возраста, симптоматологія помѣшательства, клиническія группы душевныхъ болѣзней,— патологическая анатомія душевныхъ разстройствъ,— и, наконецъ, лѣченіе душевныхъ разстройствъ.

ГЛАВА I.

Такъ какъ мы проводимъ почти третью часть нашей недолговременной жизни во снѣ, то намъ пріятно узнать, что время такимъ образомъ про-

водимое нами, не потеряно, а напротивъ того, употреблено съ пользою. Сонъ обозначаетъ толькъ періодической отдыхъ отправленій животной жизни или жизни соотношенія (*life of relation*), во время котораго органы, служащіе для вышеупомянутыхъ отправленій, претерпѣваютъ возстановленіе энергіи, необходимое для нихъ послѣ періода дѣятельности. Трата вещества, составляющая условіе и результатъ дѣятельной работы функцій, должна быть пополнена во время отдыха; поэтому вмѣсто того, чтобы удивляться, что мы спимъ, слѣдовало бы удивляться въ томъ случаѣ, если бы мы не спали. Въ дневной работѣ и мысли, расходуется постепенно та энергія, которая была накоплена во время отдыха. Необходимость возстановленія одинаково должна существовать, какъ для функцій растительной жизни, которыя, повидимому, никогда не имѣютъ сна, такъ и для функцій животной жизни, которыя спать въ продолженіе такой большой части нашей жизни. Хотя какой нибудь органъ, напр., сердце, повидимому, не отдыхаетъ ни днемъ, ни ночью съ первого момента дѣятельности до послѣдняго, когда оно перестаетъ биться, однако оно вполнѣ отдыхаетъ въ промежуткѣ между двумя сокращеніями, пріобрѣтая такимъ образомъ, во время каждого изъ этихъ перемежающихся періодовъ отдыха, энергию для слѣдующаго за нимъ сокращенія. Такимъ образомъ, когда сердце кончаетъ свою жизненную работу, то оказывается, что оно отды-

хало впродолженіи большаго періода времени, чѣмъ тотъ, втеченіи котораго оно находилось въ дѣятельности. Если мы вскроемъ грудную клѣтку какого нибудь животнаго и, раздражая блуждающій нервъ, заставимъ сердце, сокращавшееся до этого времени нормально, сокращаться медленнѣе — то оно будетъ работать такимъ образомъ довольно долгое время; если же мы ускоримъ его біеніе, возбуждая симпатической нервъ, то черезъ непродолжительное времѧ оно перестанетъ биться вслѣдствіе истощенія такъ какъ возстановленіе путемъ питанія и удаленія продуктовъ негодныхъ для дѣятельности не можетъ идти вмѣстѣ съ быстрымъ поглощеніемъ энергіи въ ускоренныхъ пульсаціяхъ; силы сердца истощаются подобно тому, какъ истощается гимнотъ¹⁾), когда, будучи вызванъ къ повторнымъ электрическимъ разряженіямъ, онъ перестаетъ, наконецъ, производить удары, пока не возстановить своихъ силъ. Низшіе животные организмы, которые, повидимому, никогда не спятъ, по всей вѣроятности отдыхаютъ подобно сердцу, впродолженіе короткихъ промежутковъ недѣятельности. Организмъ представляетъ собою самопитающуюся и самовозстановляющуюся машину, которая въ то времѧ, когда находится въ полномъ ходу, не можетъ возстановлять своихъ утратъ; онъ долженъ имѣть для своихъ частей, какъ и для всего цѣлаго, періоды необходимаго отдыха; наконецъ приходитъ

¹⁾ Электрическій угорь.

время, когда онъ, подобно всякой другой машинѣ, дѣлается неспособнымъ къ возстановленію; появляется истощеніе—смерть, иначе говоря, сонъ безъ возстановленія и безъ пробужденія.

Условія, заставляющія насъ спать, причины, вызывающія сонъ и дурныя послѣдствія, которыми сопровождается лишеніе сна—составляютъ доказательства его дѣйствительнаго значенія въ жизненной экономіи. Когда мы хотимъ спать, мы удаляемъ всѣ внѣшніе стимулы,—подобно тому, какъ птица, прячущая свою голову подъ крыло,—изгояемъ все, что можетъ возбудить мысль или чувство и, насколько это возможно, приводимъ мышцы нашего тѣла въ полный покой. Сонъ подкрадывается къ намъ незамѣтно, не какъ рѣзкая перемѣна, а какъ постепенный болѣе глубокій покой, подобно тому, какъ темнота ночи постепенно смѣняетъ яркое солнце дня. Общими причинами, вызывающими сонъ, будутъ: во 1-хъ, истощеніе нервной системы, какъ послѣдствіе нашей активной и пассивной дѣятельности, обусловливающее необходимость отдыха, какъ для тѣла, такъ и для души, во 2-хъ, мышечная или умственная работа, если она не продолжается очень долго, въ 3-хъ, упадокъ силъ послѣ сильнаго (но не чрезмѣрнаго) возбужденія и въ 4-хъ, сильная физическая боль. Совершенно вѣрно, что мы посредствомъ усилий воли или возбужденія, можемъ удлинять обычный періодъ бодрствованія и противодѣйствовать сну,

хотя бы намъ и очень хотѣлось спать, но мы не можемъ безконечно поддерживать такое противодѣйствіе, такъ какъ за полнымъ лишеніемъ сна слѣдуетъ оцѣпенѣніе, недѣятельность душевныхъ от-правленій, бредъ и смерть.

Въ связи съ этимъ является интересный вопросъ: почему мы пробуждаемся, почему мы, уснувъ однажды, не засыпаемъ навсегда? Весьма вѣроятно, что наше пробужденіе зависитъ отъ тѣхъ же причинъ, по которымъ истощенный гимнотъ получаетъ опять возможность производить электрическіе удары послѣ того, какъ во время отдыха путемъ питания произошло возстановленіе его энергіи. Возбужденіе тѣла будетъ ли оно внутренняго или внѣшняго происхожденія, хотя и нечувствительное для насъ во время глубокаго сна послѣ истощенія, или влияющее только на характеръ нашего сновидѣнія, достаточно для пробужденія индивидуума въ то время, когда сонъ дѣлается чуткимъ, вслѣдствіемъ происшедшаго возстановленія энергіи непосредственно, или посредственно—живостью производимаго имъ сновидѣнія. По моему мнѣнію мы не заснули бы навсегда даже и въ томъ случаѣ, если бы всѣ внѣшніе стимулы были устранины, такъ какъ накопленіе нервной энергіи вызвало бы внезапное пробужденіе, поводомъ къ которому могъ бы служить малѣйшій внутренній стимулъ. Послѣдній ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть устранинъ, такъ какъ отправленія растительной жизни, хотя

и совершаются медленнѣе во время сна, но не прерываются совершенно; какъ только эти отправленія приобрѣтутъ возможность полной дѣятельности, они могутъ непосредственно причинить пробужденіе. Время нашего пробужденія, повидимому, обусловливается въ извѣстныхъ границахъ привычкою; когда мы даемъ опредѣленное количество часовъ для отдыха нашей нервной системѣ, то послѣдняя привыкаетъ совершать возстановленіе своихъ утратъ въ это время.

О томъ, какими физиологическими явленіями сопутствуется сонъ, мы знаемъ только то, что кро-
веобращеніе въ мозгу совершается медленнѣе;—
это, вѣроятно, составляетъ не причину, а резуль-
татъ состоянія первыхъ элементовъ.. Блюменбахъ,
наблюдая мозгъ у человѣка съ трепанированнымъ
черепомъ замѣтилъ, что онъ наполнялся кровью и вы-
ступалъ изъ отверстія трепанационной раны во врем-
я бодрствованія и мышленія и затѣмъ во время сна
опять приходилъ въ прежнее состояніе. Мистеръ Дюр-
хамъ дѣлалъ такие опыты: онъ выпиливалъ куски
черепа у различныхъ животныхъ; въ отверстія вста-
влялъ часовые стекла соотвѣтствующей величины,
черезъ которыхъ онъ могъ наблюдать, что происхо-
дило въ мозгу во время состояній бодрствованія и
сна. Эти наблюденія убѣдили его въ томъ, что во
время сна количество крови въ мозгу уменьшалось,
самое вещество мозга дѣлалось блѣднѣе и дряблѣе,
но, какъ только животное пробуждалось, мозгъ

наполнялся кровью, а мозговое вещество дѣлалось плотнѣе. Роднички грудныхъ дѣтей опадаютъ во время сна; тоже самое могло бы наблюдаваться и у взрослого человѣка, если бы мы сильно зажали шейныя сонные артеріи. Наблюдаются всегда дѣятельный приливъ крови къ той части тѣла, где возбужденіе функциональной энергіи привлекаетъ ее и нуждается въ такомъ приливѣ; когда же дѣятельность отправленій прекращается появленіемъ необходимости установить трату энергіи путемъ сна—кровообращеніе въ мозгу падаетъ до уровня удовлетворенія только органическимъ потребностямъ. Такимъ образомъ снабженіе мозга кровью въ дѣятельности соотвѣтствуетъ различнымъ состояніямъ мозга: это снабженіе идетъ дѣятельнѣе при дѣятельности функций, и обратно. Дальнѣйшее развитіе этого положенія является уже въ видѣ слѣдующей гипотезы. Различные части мозга снабжаются кровью изъ различныхъ артерій, главные вѣтви которыхъ дѣлятся и подраздѣляются на меньшія, пока эти послѣднія посредствомъ дѣленія не достигнутъ величины капилляровъ. На этомъ основаніи сдѣлано было предположеніе, что кровообращеніе можетъ происходить дѣятельно въ извѣстныхъ участкахъ мозга (сосудистыхъ площахъ), между тѣмъ, какъ въ другихъ оно понижено до уровня сна. Подобный этому фактъ мы наблюдаемъ въ мѣстной краснотѣ извѣстной части тѣла, краснотѣ, зависящей отъ разширенія сосу-

довъ. Такое мѣстное кровообращеніе въ мозгу обусловливаетъ ту измѣненную и неправильную дѣятельность, которая даетъ основаніе для сновидѣній, а именно, предполагаютъ, что нѣкоторая часть мозга находится въ большемъ или меньшемъ состояніи бодрствованія въ то время, когда другія части спятъ.

Не такъ давно появилась теорія, доказывающая, что причиною сна служить накопленіе продуктовъ окисленія, совершающееся въ періодъ дѣятельности; предполагаютъ, что эти продукты не могутъ выводиться такъ же быстро, какъ они накапливаются во время дѣятельного отиравленія, но что они удаляются,—подобно тому, какъ нечистоты въ большихъ городахъ,—во время ночнаго отдыха. Неизвѣстно еще точно, каковы свойства этихъ продуктовъ сгражанія; утверждаютъ, что они дѣйствуютъ на нервные элементы почти также какъ угольная кислота, вызывая своимъ накопленіемъ родъ наркоза.

Всякое условіе, затрудняющее удаленіе ихъ изъ мозга, какъ напр., продолжительная дѣятельность послѣдняго — благопріятствуетъ сну; напротивъ, всякое условіе, ускоряющее ихъ удаленіе, будетъ имѣть обратное дѣйствіе.

Сонъ не есть постоянное, но колеблющееся состояніе. Существуютъ различные степени сна не только для церебро-спинальной системы какъ цѣлаго, но и для ея различныхъ частей; такихъ промежуточныхъ степеней между сномъ и пробужденіемъ очень много. Такимъ образомъ, про насъ мож-

но сказать, что мы восходимъ отъ состояній полу-
бодрствованія во время сумерекъ къ состоянію по-
лусна и затѣмъ отъ легкой дремоты къ полной
бессознательности. Бываютъ минуты, когда намъ
трудно сказать про себя, спали ли мы или нѣтъ,
такъ какъ блуждающія, несвязныя идеи и галлю-
цинаціи смѣшнаго содержанія, образующіяся у насъ
внезапно въ тотъ моментъ, когда мы начинаемъ
засыпать, такъ похожи на наши причудливыя сно-
видѣнія, что мы не всегда можемъ дать себѣ от-
четъ, были ли онъ принадлежностью нашей жиз-
ни—бодрствованія, или жизни—сна. Степени все
болѣе и болѣе возрастающей бессознательности подъ
вляніемъ принятаго опія прекрасно иллюстрируютъ
постепенность въ процессѣ засыпанія. Прежде все-
го появляется сонливость, переходящая скоро въ
неопреодолимое желаніе уснуть; затѣмъ наблюдае-
мый субъектъ впадаетъ въ дремоту, изъ которой
онъ можетъ быть до нѣкоторой степени выведенъ,—
такъ что можетъ даже отвѣтить на вопросы, если
они ему сказаны громко, послѣ чего, однако, онъ
тотчасъ же опять засыпаетъ. Сонъ его дѣлается
все крѣпче и крѣпче и переходитъ скоро въ коматоз-
ную бессознательность, во время которой можно
щипать, бить и раздражать всевозможными спосо-
бами даннаго субъекта и все это едва вызываетъ
въ немъ лишь слабые слѣды ощущенія или самое
непродолжительное отвѣтное движеніе. Наконецъ онъ
погружается въ такое глубокое коматозное состоя-

ніе, что становится нечувствителенъ ко всему, что дѣлаютъ съ нимъ; всевозможныя мученія, которыя когда либо выдумывали дикіе для своихъ враговъ, не производятъ на него никакого дѣйствія, онъ погруженъ въ безсознательность смерти передъ смертью. Чувства засыпаютъ одно за другимъ, каждое постепенно, погружаясь все въ болѣе и болѣе глубокій сонъ, за ними слѣдуетъ спинной мозгъ, а самымъ послѣднимъ прекращаетъ свою дѣятельность дыхательный центръ въ продолговатомъ мозгу — и тогда-то человѣкъ умираетъ. Вызывая безсознательное состояніе вдыханіемъ хлороформа или эфира, мы замѣчаемъ, что хлороформируемый субъектъ слышитъ въ то время, когда онъ уже пересталь видѣть, и за тѣмъ что чувства вкуса и обонянія утрачиваются ранѣе чувства слуха и осязанія; ясно, что и во время естественного сна, существуютъ подобныя же степени безсознательного состоянія, и что точно также одно чувство можетъ находиться въ болѣе глубокомъ снѣ, чѣмъ другое, или что всѣ специальная чувства могутъ почти не воспринимать впечатлѣній, а между тѣмъ одновременно съ этимъ спинной мозгъ будетъ бодрствовать. Тотъ, кто чутко спить, можетъ слышать несложные вопросы, осторожно произносимыя знакомымъ голосомъ, — можетъ даже не просыпаясь отвѣтить на нихъ. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что Ѳдущий верхомъ можетъ спать, причемъ его спинныя мышцы должны находиться въ дѣятельномъ состояніи; также

можно спать ходя, но нельзя спать стоя, такъ какъ ничѣмъ не поддерживаемое тѣло, непремѣнно упало бы впередъ. Точно также при пробужденіи почти никогда не бываетъ, чтобы всѣ наши чувства пробуждались разомъ; мы можемъ слышать звуки ранѣе, чѣмъ другія чувства получили возможность воспринимать впечатлѣнія, такъ что въ большинствѣ случаевъ чувства пробуждаются послѣдовательно одно за другимъ. Если мы будемъ разматривать естественный сонъ не какъ опредѣленную и постоянную величину, но какъ колеблющееся тѣлесное состояніе, во время которого наблюдается значительная разница въ степени нечувствительности различныхъ частей тѣла, изъ которыхъ одни могутъ быть погружены въ очень поверхностный, а другія въ очень глубокій сонъ въ одно и то же время, то для насъ не должно казаться страннымъ, что у некоторыхъ субъектовъ во время сна дѣятельно работает воображеніе, и мышцы выполняютъ самыя затѣйливыя комбинаціи движеній. Это служить доказательствомъ того, что некоторые умственные и двигательные центры могутъ спать, въ то время какъ другие бодрствуютъ. Различіе въ податливости различныхъ частей къ воспринятію впечатлѣній доказывается также тѣмъ, какъ нетрудно пробудить спящаго какимъ нибудь легкимъ звукомъ или инымъ, привычнымъ для отвѣтного дѣйствія стимуломъ, между тѣмъ какъ болѣе сильный звукъ или другой болѣе могущественный, но непривычный сти-

муль не производятъ на спящаго никакого дѣйствія. Въ состояніи сна, также какъ и въ состояніи бодрствованія, ухо лучше всего слышитъ то, что оно ожидаетъ слышать. Подобно тому, какъ ожиданіе извѣстнаго впечатлѣнія, дѣйствующаго на бодрствующее чувство, увеличиваетъ воспріимчивость этого чувства и скорость, съ которой впечатлѣніе передается отъ внѣшняго органа къ центральному узлу,—такъ точно приспособленіе спящаго чувства къ извѣстному впечатлѣнію порождаетъ, такъ сказать, у чувства привычку ожиданія, вслѣдствіе которой повышается его воспріимчивость. Такъ что возбужденіе, хотя и очень незначительное, дѣйствуетъ съ такимъ же результатомъ, какъ какойнибудь непривычный, выходящій изъ ряда воинъ, стимулъ. Если мы обратимъ вниманіе, то замѣтимъ, что въ ежедневной жизни наши чувства ежесколько получаютъ такія впечатлѣнія, которыхъ мы не со знаемъ до тѣхъ поръ, пока по какойнибудь причинѣ мы не будемъ вынуждены обратить на нихъ особое вниманіе; въ обыкновенное же время мы воспринимаемъ ихъ какъ будто во снѣ. Трудно отдать себѣ отчетъ въ той массѣ потенціального знанія, которая заключается въ этихъ невоспринятыхъ впечатлѣніяхъ, и въ томъ матеріалѣ для составленія нашихъ понятій, который безслѣдно проходитъ мимо насъ. На самомъ дѣлѣ мы живемъ въ сферѣ самыхъ ограниченныхъ отношеній съ внѣшнимъ міромъ—отношеній, ограниченныхъ не только спо-

собностями, но также и привычками нашихъ чувствъ, и дѣлаемся крайне автоматичными въ нашихъ реакціяхъ на немногія привычно-получаемые нами стимулы. Вслѣдствіе этого наша умственная и практическая жизнь въ большинствѣ случаевъ идетъ по немногимъ опредѣленнымъ путямъ, которыми мы стѣснены въ такой же степени, какъ животныя стѣснены особыми свойственными имъ инстинктами,—за предѣлами этихъ путей лежать обширныя неизслѣдованныя области. Мы воспринимаемъ только то, на что направлено наше вниманіе,—а внимательны только къ тому, что путемъ частаго повторенія организовало приспособленіе чувства и соответственную двигательную ассоціацію.

Люди мало думаютъ, о томъ, какъ механичны они въ своихъ мысляхъ, чувствованіяхъ и дѣйствіяхъ. Они такъ пропитаны твердо установившимся, но ошибочнымъ мнѣніемъ, будто сознаніе есть существенный дѣятель во всѣхъ ихъ цѣлесообразныхъ поступкахъ, что ихъ поражаетъ всякий усматриваемый ими фактъ разумной дѣятельности во время недѣятельности сознанія,—какъ напр. во снѣ, — причемъ они видятъ въ такомъ фактѣ нѣчто чудесное.

Между тѣмъ было бы дѣйствительно чудомъ если бы организмъ не былъ въ состояніи проявить своихъ привычекъ только потому, что послѣднія не озарены свѣтомъ сознанія. На самомъ дѣлѣ, организмъ не утрачиваетъ своихъ привы-

чекъ: мы просыпаемся обыкновенно въ назначенный часъ, все равно легли ли мы спать въ обычное время, или позже.

Затѣмъ мы просыпаемся въ моментъ воспринятія нами незначительнѣйшаго звука, если онъ привыченъ для нашего уха: такъ, мать просыпается ночью при крикѣ资料 of her ребенка. Между тѣмъ мы не слышимъ болѣе сильныхъ звуковъ, если привыкли не обращать на нихъ вниманія. Мы мгновенно просыпаемся при прекращеніи звуковъ, къ непрерывности которыхъ во время сна мы привыкли; какъ примѣръ этому можно привести всѣмъ извѣстный разсказъ о мельнике, который просыпался когда прекращался, вслѣдствіе какой нибудь порчи въ механизмѣ, шумъ мельничного колеса, работавшаго и днемъ, и ночью.

Возможенъ или нѣтъ сонъ безъ сновидѣній — вотъ вопросъ, который составлялъ предметъ спора между учеными, дававшими на него различные отвѣты. Одни утверждали, что всякое состояніе сна, какъ бы глубоко оно не было, должно сопровождаться сновидѣніями. Такое утвержденіе вытекало, по всей вѣроятности, изъ невозможности для нихъ обнять два такія различныя и несходя состоянія какъ активное сновидѣніе и полное прекращеніе душевныхъ отправленій, въ одно общее понятіе сна. Возможно также, что это мнѣніе зависѣло отъ приверженности къ картезіанскому догмату непрерывной дѣятельности души. Главное по-

ложење ихъ слѣдующее: когда мы говоримъ, что не имѣли сновидѣній, то это неправда: мы должны были имѣть ихъ, но могли забыть это. Для доказательства этого положенія они приводятъ неоспоримые факты въ родѣ слѣдующихъ:

1) Самый живой сонъ часто улетучивается изъ памяти такъ скоро и безслѣдно, что хотя въ то время, какъ мы просыпаемся, намъ кажется, что мы ясно помнимъ его со всѣми подробностями, однако, черезъ нѣсколько минутъ оказывается, что мы ихъ забыли и не можемъ востановить въ своей памяти.

2) Мы можемъ совершенно случайно при какомънибудь обыденномъ событии нашей жизни вспомнить забытый нами сонъ, который иначе былъ бы забытъ нами навсегда; наконецъ, иногда случается, что постороннія лица, наблюдавшія насъ во время сна, на основаніи нашихъ восклицаній и жестовъ выводятъ заключеніе, что мы имѣли сновидѣнія, между тѣмъ какъ мы по пробужденію съ полною увѣренностью отрицаемъ это.

Эти факты, конечно, вѣски сами по себѣ, но мы не можемъ признать, что они доказываютъ то положеніе, для подтвержденія котораго они приводятся. Сила очевидности въ этомъ случаѣ, не могущемъ быть доказаннымъ по самой природѣ вещей, лежитъ, по моему убѣжденію, на сторонѣ того мнѣнія, что крѣпкій сонъ есть сонъ безъ сновидѣній. Трудность, съ которой составляется пред-

ставлениe о временнай пустотѣ душевныхъ отпра-
вленiй, можетъ найти себѣ оправданiе въ укоренившемся предразсудкѣ, вытекающемъ изъ метафизического опредѣленiя души, какъ высшей духовной сущности, бытiе которой не имѣеть ничего общаго съ низшими физическими потребностями тѣла. Но нельзя не согласиться съ тѣмъ, что сонъ, разъ мы его сдѣлаемъ предметомъ нашего наблюденiя, дастъ намъ всѣ степени градациi отъ живого активнаго сновидѣнiя, съ одной стороны, до самаго слабаго признака исчезающей дѣятельности — съ другой. Поэтому для насъ также не составить никакого затрудненiя перешагнуть умственно черезъ незамѣтную границу между послѣднимъ проблескомъ дѣятельности и ея полнымъ отсутствiемъ. Далѣе, въ извѣстныхъ случаяхъ мнимой смерти, какъ, напримѣръ, въ случаяхъ утопленiя, когда человѣка вытаскиваютъ изъ воды въполномъ безсознательномъ состоянiи и когда онъ приходитъ въ себя только послѣ энергическихъ усилий впродолженiи цѣлыхъ часовъ, ясно, какъ нельзя болѣе, что всѣ его психическiя отправленiя были остановлены съ момента потери имъ чувствительности до момента ея возвращенiя. Или возьмите, напримѣръ, замѣчательный случай удара по головѣ, произведшій вдавленiе черепа, отсюда давленiе на мозгъ и безчувственное состоянiе; когда же вдавленная кость была вынута хирургами, то больной пришелъ тотчасъ же въ сознанiе; мало того, онъ сталъ

доканчивать фразу, которую онъ началъ передъ тѣмъ, какъ его ударили ').

Предположеніе, что психическія отправленія продолжаются во время апоплексіи, полнаго безчувственного состоянія подъ вліяніемъ хлороформа или тому подобныхъ состояній полной безсознательности, имѣеть такъ же мало основанія, какъ еслибъ оно было приложено къ случаю какого-нибудь животнаго, лишенаго своихъ мозговыхъ полушарій.

Другая теорія относительно сновидѣній, допускаетъ сновидѣнія только въ переходномъ состояніи отъ бодрствованія ко сну и обратно, т. е.

1) Въ американскомъ „Journal of Nervous and Mental Diseases“ за апрель 1877 г., д-ръ Гой сообщаетъ про молодого человѣка 18-ти лѣтъ отъ роду, котораго лягнула лошадь такъ, что онъ упалъ безъ чувствъ. У него былъ найденъ переломъ черепныхъ костей съ вдавленіемъ.

Послѣ трепанациіи вдавленныхъ частей къ нему опять возвратилось сознаніе. Д-ръ воспользовался этимъ отверстиемъ въ черепѣ для своихъ наблюденій; онъ задавалъ молодому человѣку вопросъ и тотчасъ же сильно надавливали на обнаженный мозгъ. Все время, пока продолжалось надавливаніе, больной молчалъ, но какъ только д-ръ Гой переставалъ давить на мозгъ, онъ начиналъ отвѣтывать, не подозрѣвая даже, что прошелъ вѣкоторый промежутокъ времени послѣ вопроса.

Тотъ же самый докторъ приводитъ другой случай съ молодымъ человѣкомъ 19 лѣтъ, который лишился сознанія послѣ удара, нанесеннаго ему лошадью, кличка которой была Долли. Какъ только вдавленная кость была вынута, онъ громко воскликнулъ „Whow Dolly“ и затѣмъ сталъ оглядываться кругомъ, изумляясь, что такое могло случиться съ нимъ. Послѣ удара прошло три часа. Онъ не помнилъ, что его ударила лошадь. Послѣднее его воспоминаніе было то, что она вертѣлась и двигала ушами назадъ.

передъ тѣмъ, какъ мы засыпаемъ или просыпаемся. При разсмотрѣніи, это мнѣніе еще меньше выдерживаетъ критики, чѣмъ предыдущее,—а именно, будто мы во все время сна не перестаемъ имѣть сновидѣнія. Если даже мы оставимъ въ сторонѣ лунатиковъ, которые служатъ положительнымъ опроверженіемъ этой теоріи и обратимся къ наблюденію надъ спящими, то и этого достаточно, чтобы доказать ея ошибочность. Такъ, напримѣръ, спящій человѣкъ можетъ жестикулировать и говорить во время сна, что доказываетъ существованіе сновидѣній, и всетаки продолжаетъ спать; затѣмъ мы можемъ иногда прийти въ себя во время сновидѣнія, если наскъ внезапно разбудить, когда мы крѣпко спимъ. Такъ какъ сонъ есть не постоянное, а колеблющееся состояніе, то, слѣдовательно, должны существовать различныя степени психическихъ отправленій, соответственно большей или меньшей глубинѣ и полнотѣ ихъ; иногда дѣятельность ихъ настолько цѣльна, что поражаетъ насъ; въ другой разъ они проявляютъ неполную и безсвязную дѣятельность. Затѣмъ можетъ быть полное прекращеніе психическихъ отправленій во время сна.

Справедливо замѣчаніе, что еслибы мы въ дѣйствительности дѣлали все то, что дѣлаемъ въ сновидѣніи, то въ такомъ случаѣ слѣдовало бы всякаго человѣка, идущаго спать, подвергать заключенію, такъ какъ, по словамъ Цицерона, поступки

спящихъ въ этомъ случаѣ превзошли бы своею странностью поступки сумасшедшихъ. Сновидѣніе, выраженное въ дѣйствіи, должно походить на помѣшательство, подобно тому, какъ помѣшательство имѣеть иногда видъ сновидѣнія. Въ сновидѣніи, также какъ и въ помѣшательствѣ, наблюдаются самыя странныя и смѣшныя отклоненія отъ привычныхъ разумныхъ путей ассоціації идей. Комбинаціи и порядки идей, насколько мы можемъ замѣтить, не слѣдуютъ опредѣленнымъ законамъ, но часто являются совершенно случайными и скоро преходящими; на основаніи этого мы считаемъ однимъ изъ главныхъ явлений при сновидѣніи потерю всякой власти надъ послѣдовательностью идей. Однако, мнѣніе, что воля не имѣеть мѣста во время сновидѣнія, невѣрно, такъ какъ известно, что мы можемъ внезапно проснуться вслѣдствіе сильнаго волеваго усиленія. Точно также, какъ иногда мы видимъ во снѣ, что бьемъ человѣка, обидѣвшаго или ударившаго насъ, между тѣмъ, какъ въ другой разъ мы силою воли можемъ сдержать выраженіе нашихъ ощущеній. Два или три раза я видѣлъ во снѣ, что былъ приговоренъ къ повѣшенію, причемъ я просыпался въ послѣдній моментъ передъ исполненіемъ казни; и я помню, что каждый разъ я подавлялъ въ себѣ выраженіе страха или другого какого-нибудь эмоционального возбужденія во время приготовленій къ казни. Конкретное проявленіе воли такого рода возможно во вре-

мя сновидѣній. Однако, до сихъ поръ остается нерѣшеннымъ вопросъ, насколько въ такомъ случаѣ успѣшно приведеніе въ исполненіе волеваго акта, и насколько мы близки къ пробужденію въ моментъ его появленія. Мы часто видимъ во снѣ, что находимся въ такомъ положеніи, что должны сдѣлать что-нибудь, напримѣръ, нанести ударъ, позвать на помощь, отдать приказаніе и чувствуемъ, что не можемъ этого сдѣлать; въ тотъ же моментъ, когда намъ удается проявить нашу парализованную энержію — мы просыпаемся. Въ этомъ случаѣ существуетъ сильное душевное хотѣніе при полномъ безсиліи моторнаго (двигательнаго) проявленія; мгновеніе, протекающее между желаніемъ привести въ исполненіе данное дѣйствіе и пробужденіемъ, совершенно достаточное для той борьбы между хотѣніемъ и безсиліемъ, которая происходитъ въ сновидѣніи, кажется во снѣ гораздо болѣе длинной драмой безсилія. Несмотря на это, мы не должны упускать изъ виду того, что человѣкъ, приводящій въ исполненіе свое желаніе крикнуть во время сновидѣнія, не всегда просыпается, и что нашъ собственный опытъ даетъ намъ такія сновидѣнія, во время которыхъ у насть являлись какія-нибудь желанія, которыя мы тутъ-же и исполняли.

Конечно, вѣрно то положеніе, что воля въ ея высшемъ значеніи контроля надъ душевными дѣйствіями не существуетъ во время сновидѣнія; мимутное размыщеніе покажетъ намъ дѣйствитель-

ную необходимость прекращенія высшей волевой дѣятельности. Послѣдняя есть ни болѣе ни менѣе, какъ выраженіе полнѣйшей координаціи дѣятельностей душевныхъ отправленій; она необходимо измѣняется въ качествѣ, соотвѣтственно съ развитіемъ этихъ отправленій путемъ предшествовавшаго воспитанія, и вслѣдствіе этого по самой природѣ своей не можетъ существовать вмѣстѣ съ случайнымъ наплывомъ идей въ сновидѣніяхъ. Невозможно, чтобы размыщеніе (*reflection*) могло существовать въ полной силѣ во время сна, когда нарушены обычные ^{въ} связи мысли. Идея, сопровождаемая желаніемъ, не имѣть возможности превратиться въ обдуманное хотѣніе (*volition*) обыкновеннымъ путемъ, но должна оставаться только частнымъ желаніемъ; если же оно дѣятельно, то оно вызоветъ,—вмѣсто естественныхъ результатовъ, направляющихся по протореннымъ путямъ ассоціаціи,—лишь странныя, повидимому, безсвязныя идеи, которыя проявляются въ формѣ видѣній, представляясь въ видѣ отрывочныхъ переходящихъ картинъ. По этой же самой причинѣ чувство личнаго торжества, единства индивидуального характера, дѣлается смѣшаннымъ и какъ будто утрачивается. Мы—мы и кто-то другой въ то-же время; также и другіе, представляются намъ и самими собой, и еще кѣмъ-то; мы дѣлаемъ самые нелѣпые и можетъ быть самые преступныя вещи какъ будто такъ и должно быть, и въ это время нась

почти что совсѣмъ не удивляетъ то, что мы ихъ дѣлаемъ.

Ясное чувствованіе своего собственнаго «я» такъ же, какъ и сознаніе, не можетъ существовать при полномъ отсутствіи координаціи душевныхъ отправлений, самосознаніе которыхъ и составляетъ чувство личной тождественности. Весьма вѣроятно, что мы близки къ пробужденію въ то время, когда начинаемъ удивляться перемѣнѣ нашей личности и находить такую перемѣну странной; начинающееся возстановленіе координаціи психическихъ отправлений есть, въ самомъ дѣлѣ, возстановленіе чувства нашей тождественности и причиняетъ такимъ образомъ наше удивленіе. Несмотря на это мнѣ кажется, что даже во время самыхъ нелѣпыхъ сновидѣній, мы въ глубинѣ души сохраняемъ все-таки смутное чувство или скорѣе инстинктъ нашей тождественности, такъ какъ въ противномъ случаѣ мы никогда не должны бы были удивляться, когда мы представляемся не сами собой, а кѣмъ то другимъ, или когда мы творимъ необычайныя вещи; затѣмъ у насть никогда не могло бы быть известнаго личнаго чувства, которое на самомъ дѣлѣ имѣть мѣсто, въ какихъ бы странныхъ драмахъ мы не участвовали, во снѣ. Мое мнѣніе, что организмъ сохраняетъ чувство своей тождественности несмотря на то, что всѣ наши сознательныя отправлениа сильно разстроены, имѣть слѣдующее основаніе.

Въ то время, когда мы спимъ, различныя впечатлѣнія нашей органической или системной чувствительности, не затрогиваемой непосредственно внѣшними условіями, передаются отъ нашихъ внутреннихъ органовъ къ мозгу; вотъ это-то физіологическое единство органическихъ отправленій, которое лежитъ гдѣ-то глубже сознанія, составляя основу нашей личности, и заставляетъ себя чувствовать съ большей или меньшей силой во всякомъ состояніи сознанія, будеть ли оно состояніемъ сновидѣнія или бодрствованія. Одинъ душевно больной, находившійся въ заведеніи для бѣдныхъ умалишенныхъ и воображавшій, что онъ всемогущъ и можетъ во всякое время дѣлать все, что ему угодно, могъ просить у кого нибудь самой ничтожной милости и въ то-же время громко заявлять о своемъ всемогуществѣ. Такова бываетъ непослѣдовательность разстроеннаго чувства тожественности.

Отсутствіе удивленія при необыкновенныхъ происшествіяхъ, имѣющихъ мѣсто во время нашихъ сновидѣній, достойно вниманія, хотя это отсутствіе и не всегда бываетъ полнымъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ наблюдается частное удивленіе; удивленіе, вызванное не послѣдовательнымъ сужденіемъ о нелѣпости всего происшествія, какъ это бываетъ у человѣка въ состоянія бодрствованія, а удивленіе по поводу какой нибудь частной поразительной несообразности, — какъ напр., мы удивлены появлениемъ человѣка, про которого мы знаемъ, что онъ

умеръ и который между тѣмъ принимаетъ участіе въ происшествіи нашего сновидѣнія. Въ другихъ случаяхъ мы можемъ имѣть ясное ощущеніе того, что видимъ сонъ; мы говоримъ сами себѣ—это только сонъ; и у насъ даже можетъ являться желаніе продолжать сновидѣніе, вместо того, чтобы сбросить съ себя эти чары, что впрочемъ мы иногда и дѣлаемъ. Когда же не существуетъ такого яснаго сознанія, что происходящее есть ничто иное, какъ сновидѣніе, все-таки иногда является полу-сознательное сомнѣніе въ действительности образовъ, проносящихся передъ умственнымъ видѣніемъ; какъ будто бы они были отрывками драматического зрѣлища, которымъ мы такъ заинтересовались, такъ увлеклись, что потеряли даже независимость сужденія и чувство индивидуальности; мы испытываемъ какое то туманное и неопределеннное ощущеніе ихъ недѣйствительности. Если это ощущеніе дѣлается сильнѣе, то оно производить убѣжденіе, что мы видимъ сонъ.—Такое убѣжденіе является иногда передъ пробужденіемъ и въ концѣ концовъ ведеть къ нему.

Я думаю, что въ то время, когда у насъ является такое убѣжденіе мы очень близки къ пробужденію и что координація отправленій (функций),—согласіе которыхъ и порождаетъ чувство индивидуальности,—начинаетъ свою дѣятельность въ это же время. Фантомы сновидѣній движутся на фонѣ нашей безсознательный индивидуальности, на фонѣ, ко-

торый сложился и оформился сообразно свойствамъ нашего жизненнаго опыта и вслѣдствіе этого будеть непремѣнно противорѣчить сновидѣніямъ, какъ только сдѣлается сознательнымъ. Въ состояніи же пробуждающейся сознательности онъ можетъ вызывать то неопределеннное полусознательное чувство недовѣрія, которое является у насъ передъ положительнымъ убѣжденіемъ въ нереальности сновидѣнія. Невозможно, чтобы мы могли удивиться нелѣпостямъ сновидѣнія во время глубокаго сна, такъ какъ немыслимо, чтобы мы могли разсуждать въ это время, т. е. другими словами, это невозможно потому, что для этого мы должны сравнить наши сновидѣнія съ тѣми организованными психическими опытами, которые составляютъ регистрацію нашихъ наблюденій надъ законами природы и которые въ данную минуту не находятся въ дѣйствіи. И потому было бы дѣйствительно чудомъ, если бы мы удивлялись и не считали реальными всѣ волшебства нашихъ сновидѣній.

Идея, возникающая въ нашемъ умѣ во время сновидѣнія, дѣйствуетъ сверху внизъ на нервный центръ органовъ чувствъ (*sensory ganglion*) и принимаетъ форму яснаго образа или дѣйствительнаго воспріятія (*actual perception*), такъ что рядъ идей въ сновидѣніи есть рядъ образовъ. Образы эти представляются намъ необыкновенно живыми, такъ какъ не существуетъ отвлеченія сознанія предметами дѣйствующими на виѣшнія чувства подобно

тому, какъ, напр., мы, смотря на звѣзды изъ глубокаго колодца, видимъ ихъ при яркомъ дневномъ свѣтѣ вслѣдствіе того, что въ этомъ случаѣ освѣщена только линія нашего видѣнія. Поэтому *то*, что въ состояніи бодрствованія, представляется намъ послѣдовательностью идей, въ сновидѣніи является намъ какъ безпорядочный рядъ образовъ, или какъ бы рядъ несвязанныхъ между собою сценъ превращенія въ какомъ нибудь драматическомъ представлениі. Взявъ знаменитый примѣръ ассоціаціи идей Гоббса, любопытно было бы посмотретьъ, что бы изъ него вышло, если предположимъ, что онъ представился во снѣ. «Что могло быть неумѣстнѣе» — говорить онъ — «вопроса о стойности римскаго «сребренника» въ разговорѣ о гражданской войнѣ нашего времени? Однако, это случилось, и связь идей для меня была совершенно ясна: мысль о войнѣ возбудила мысль о преданіи короля своимъ врагамъ, а эта послѣдняя — мысль о преданіи Христа, откуда явилась мысль о тридцати монетахъ, уплаченныхъ предателю,—а затѣмъ послѣдовалъ этотъ злорадный вопросъ» (Левіаѳанъ I, гл. III). Въ такомъ сновидѣніи было бы такъ много сценъ, быстро смѣняющихся одна другую или смѣшанныхъ вмѣстѣ, что, когда бы спящій проснулся и старался бы припомнить подробности своего сна, онъ вѣроятно совершиенно былъ бы не въ состояніи дать отчетъ о странной связи лицъ съ происшествіями въ своихъ

видѣніяхъ и въ быстрыхъ превращеніяхъ одного видѣнія въ другое. И если въ этомъ случаѣ мы предположимъ, что существовали дѣйствительно, хотя и незамѣтные для насъ, пути ассоціаціи между идеями (что мы должны признать, такъ какъ въ противномъ случаѣ не было бы связной смѣшны картины), то весьма вѣроятно, что во многихъ другихъ сновидѣніяхъ, идеи, преобразованныя въ образы, вызываютъ одна другую совершенно случайно и производятъ такимъ образомъ самыя нелѣпныя сцены.

Фантастическая отклоненія отъ обыкновенныхъ путей ассоціаціи идей, потеря волевой силы надъ идеями, прекращеніе сознанія, разсѣянность «я» и кажущаяся реальность нелѣпаго сновидѣнія составляютъ результаты одного и того же дѣйствія; они зависятъ отъ нарушенія непрерывности отправленія въ высшихъ мозговыхъ центрахъ, отъ временнаго отсутствія связей ихъ функционального единства. Какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда сложныя соединенія и ряды движеній, направленные къ исполненію извѣстныхъ сложныхъ и специальныхъ дѣйствій, не могутъ быть болѣе совершамы нами вслѣдствіе какихъ бы то ни было разстройствъ въ особыхъ двигательныхъ центрахъ, и вместо нихъ появляются спазмотическая, безсвязная и безцѣльная дѣйствія, мы можемъ сказать, что нарушены обычныя двигательные ассоціаціи, волевая сила отсутствуетъ и разстроена тождественность существенная для нихъ,

какъ цѣлесообразныхъ функцій,—точно тоже и во время сновидѣнія происходитъ съ координированными отправленіями высшихъ мозговыхъ центровъ: различные явленія сновидѣній указываютъ на различную степень потери координаціи, т. е. на различныя степени распаденія или дезинтеграціи въ самыхъ сложныхъ интеграціяхъ развитія мысли.

Иногда говорятъ, что въ сновидѣніи утрачивается способность комбинаціи и расположенія идей.

Совершенно вѣрно, что въ это время наблюдается потеря способности комбинированія и расположенія, въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ въ состояніи бодрствованія; но слѣдуетъ замѣтить, что одною изъ замѣчательныхъ чертъ сновидѣнія, которая въ весьма 1 лой степени пользуется заслуженнымъ ею вниманіемъ, и служить именемъ особая чрезвычайная способность расположенія и комбинированія идей въ самыя живыя драматическая дѣйствія. Не будетъ большаго преувеличенія, если мы скажемъ, что драматическая способность даже невѣжественнаго человѣка во время сна превышаетъ драматическую способность писателя съ самимъ пылкимъ воображеніемъ во время бодрствованія. Обращая вниманіе на необыкновенныя созданія сновидѣнія, мы видимъ, что самый недалекій и не обладающей воображеніемъ, человѣкъ часто строить сцены, создаетъ характеры и располагаетъ события съ замѣчательною силой концепціи, отчетливостью контуровъ и точностью подробностей, влагая въ уста своихъ дѣй-

ствующихъ лицъ разговоры, соответствующіе ихъ особымъ характерамъ. Изъ всего этого мы можемъ заключить, что въ этомъ случаѣ существуетъ независимо отъ воли и сознанія естественная, хотя и экзальтированная, способность идей комбинироваться или располагаться въ нечто въ родѣ драматического дѣйствія, хотя бы эти идеи и не были связаны между собой обычными ассоціаціями, и представлялись намъ совершенно независимыми, если не противоположными одна другой. Въ этомъ отношеніи идеи могутъ быть подвергнуты грубому сравненію съ такими химическими веществами, которые, какъ только ихъ предоставить собственнымъ свойствамъ, стремятся къ образованію соединенія какого нибудь рода. Тоже самое бываетъ и въ состояніи блуждованія, когда послѣдовательность мыслей не контролируется разсужденіемъ о какомъ-либо опредѣленномъ предметѣ. Такое состояніе ума составляетъ главную долю въ умственной дѣятельности тѣхъ лицъ, которые, когда не заняты какимъ либо практическимъ дѣломъ, проводятъ свое время въ беззаботныхъ мечтаніяхъ или въ составленіи блуждающихъ невѣроятныхъ идей. Если точно передать содержаніе такой фантастической игры при этихъ обстоятельствахъ, то она намъ представится такой же странной, какъ и сновидѣніе. Я хочу собственно обратить вниманіе и показать важность того стремленія, хотя и не связанныхъ между собой идей, которое заставляетъ ихъ соединяться и об-

разовывать нѣкоторый родъ умственныхъ образовъ — или совершенно нелѣпыхъ или болѣе или менѣе соотвѣтственныхъ дѣйствительному порядку вещей. Это стремленіе есть доказательство настоящей зодческой силы, проявляемой самими идеями. Оно ясно указываетъ, что пластическая сила ума или, такъ называемое, воображеніе лежить въ основѣ органической функціи высшихъ мозговыхъ центровъ; оно что-то такое, что непремѣнно должно находиться за предѣлами сознательности и воли, такъ какъ проявленія его возможны даже и въ томъ случаѣ, когда воля не дѣйствуетъ, сознаніе не освѣщаетъ и умственная дѣятельность мозга понижена до *minimum'a*.

Это, если хотите, безсознательная функція ума. Она не есть простая ассоціація идей и не можетъ быть объяснена, какъ, повидимому, думаютъ нѣкоторые, приведеніемъ ее къ такъ называемому принципу ассоціаціи, куда они обыкновенно относятъ всѣ недоступныя ихъ познанію силы. Принципъ ассоціаціи идей есть ни болѣе, ни менѣе какъ утвержденіе, что идеи, явившіяся вмѣстѣ въ силу ли послѣдовательности или сходства, будуть всегда являться вмѣстѣ, вызывая одна другую. Но мы имѣемъ дѣло не только съ этимъ, а также и съ творческой дѣятельностью, вслѣдствіе которой идеи не только являются вмѣстѣ, но изъ нихъ образуются еще и новые сочетанія. Представляемое дѣйствіе могло никогда не имѣть места въ дѣйстви-

тельности и не всегда оно даже составлено изъ тѣхъ элементовъ, которые встрѣчались раньше. Какъ дѣйствія, такъ и образы во многихъ случаяхъ бываютъ новыми, хотя подкладкой для нихъ служать сходные съ ними сцены и образы, видѣнныя прежде въ цѣломъ или частяхъ.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что въ сновидѣніяхъ общая идея разлагается въ подходящіе конкретные образы, совершенно такъ, какъ будто бы она произошла отъ обобщенія ихъ (абстракціи); на самомъ дѣлѣ она никогда не бываетъ произведена отъ нихъ, хотя безъ сомнѣнія она представляетъ абстракцію какихъ нибудь подобныхъ обстоятельствъ, наблюдавшихся въ дѣйствительности. Случайное впечатлѣніе дня, какъ, напр., что такая-то особа обладаетъ большимъ хладнокровiemъ или большимъ мужествомъ, можетъ быть причиною появленія этой особы въ сценахъ сновидѣнія, причемъ она является, обнаруживая въ поступкахъ своихъ хладнокровie и мужество, хотя бы сцены эти были таковы, что эта особа никогда не могла принять участія въ нихъ въ дѣйствительности.

Общая идея создаетъ сцены подходящаго къ ней содержанія, разлагаясь на нихъ такъ, какъ бы на свои дѣйствительные элементы, изъ которыхъ она могла развиться. Эта совершенно непроизвольная работа доказываетъ, какъ и образованіе общей идеи въ первомъ случаѣ (что также ни коимъ образомъ не есть произвольный процессъ), что умъ способенъ

къ такимъ интеллектуальнымъ функціямъ, которыя представляютъ сущность его бытія, независимую отъ воли и сознанія, или, по крайней мѣрѣ, что ихъ потенціальность (возможность) лежитъ не въ сознаніи и не въ волѣ, а въ пластическомъ качествѣ мозга.

Подобно тому, какъ неизвѣстная органическая сила въ живой клѣткѣ—какова бы ни была сложность внутреннихъ физико-химическихъ процессовъ для поддержанія ея жизненности—ассимилируетъ все то, что необходимо для ея роста въ извѣстной средѣ, и, такимъ образомъ, постепенно даетъ начало развитію индивидуума въ соотвѣтствіи съ границами развитія, заложенными въ самой его природѣ,—такъ и специальная органическая сила нервныхъ элементовъ въ высшихъ центрахъ мозга, приспособляясь къ соціальнымъ и физическимъ сосуществованіямъ и послѣдовательностямъ окружающей среды, создаетъ постепенно сложную структуру умственной организаціи индивидуума. Она, однако, не можетъ перейти границы, которая опредѣляется врожденными способностями индивидуальной природы; какова будетъ умственная организація—зависитъ прежде всего и главнымъ образомъ отъ врожденныхъ способностей, унаслѣдованныхъ отъ предковъ, и, во вторыхъ, отъ вліянія воспитанія и жизненныхъ условій. Аналогичный примѣръ мы имѣемъ въ деревѣ: сѣмя падаетъ въ лѣсу; присущая ему растительная сила можетъ быть

больше или меньше, положеніе его болѣе или менѣе благопріятнымъ, но оно пустить корни и будетъ цвѣсти, будетъ переростать другія деревья, соотвѣтственно выгодному положенію той части земли, въ которую ему суждено было упасть и соотвѣтственно силѣ, обусловленной природной крѣпостью ствола, силѣ приспособленія и извлеченія наибольшей выгоды изъ окружающей среды. Мы совершенно вѣрно смотримъ на умъ, какъ на высшую силу природы, но мы неправы, считая его силой, стоящей внѣ и выше природы, само-удовлетворяющейся, безъ всякаго отношенія зависимости къ чему бы то ни было. Созерцая высоту его благороднѣйшихъ функцій, мы не должны упускать изъ виду тѣхъ нѣдръ, откуда берутъ начало его корни. Интеллектъ развился изъ чувствованія и движенія, другими словами, изъ способности получать и ассимилировать соотвѣтствующія впечатлѣнія и отвѣтчать на нихъ опредѣленными движениями, посредствомъ которыхъ человѣкъ какъ часть природы, принимаетъ свое участіе въ ея развитіи, получая стимулы извнѣ и реагируя на нихъ. Воля же есть импульсъ, который, проистекая первоначально изъ органической жизни и выражаясь въ желаніи, управляетъ интеллектомъ для произведенія требуемыхъ сознательныхъ приспособленій къ соціальной и физической средѣ. Но способность получать и ассимилировать подходящія впечатлѣнія и отбрасывать неподходящія, никоимъ образомъ не пред-

ставляеть специальную способности ума; это есть основное свойство органическаго элемента. Человѣкъ не представляетъ собою смѣси или состава тѣла и духа, онъ единое существо, имѣющее, подобно магниту, два полюса: одинъ—притягивающій къ себѣ все, что ниже его, другой—соответствующій его психическимъ стремленіямъ и имѣющій противоположное притяженіе высшаго порядка.

Пластическая сила высшихъ мозговыхъ центровъ, которую я считаю лежащей глубже чѣмъ сознательныя умственныя функціи, проявляеть свои внезапныя и независимыя свойства поражающимъ образомъ въ этихъ чрезвычайно сложныхъ дѣйствіяхъ, которые бывають у всякаго и въ которыхъ иногда наблюдается болѣе умственной силы, чѣмъ у того же самаго индивидуума въ состояніи бодрствованія. Существуетъ много исторій, имѣющихъ за собой авторитетность, въ которыхъ говорится о лицахъ, сочинявшихъ во время сна поэмы, решавшихъ трудныя задачи по математикѣ, дающихъ отвѣты на вопросы поразительной трудности, или творящихъ изумительныя вещи. Хотя мы и держимся того мнѣнія, что тѣ произведенія сновидѣнія, которые казались намъ очень остроумными во время сна, представляются нелѣпостью по пробужденіи, однако, нужно согласиться съ тѣмъ, что человѣкъ, одаренный природными способностями и хорошо работающій умомъ въ состояніи бодрствованія, случайнымъ образомъ можетъ совершать такую же ум-

ственную работу и во снѣ, сохраняя ясность своего разумѣнія даже и въ сновидѣніи. Эти примѣры иллюстрируютъ особую непроизвольность творческой дѣятельности, въ которой сознаніе и воля такъ же мало имѣютъ мѣста, какъ и въ созданіяхъ воображенія вдохновленного поэта, такъ какъ продукты мысли только тогда поднимаются до сознанія, когда они ужъ образовались, и только тогда, когда они ужъ познаны, они становятся предметомъ желаній. Не слѣдуетъ упускать изъ виду другаго факта относительно драматической силы, проявляемой въ сновидѣніи,—а именно кажущейся быстроты, съ которой протекаетъ дѣйствіе; то, что кажется совершающимся въ одно мгновеніе, заняло бы у насъ цѣлые часы сознательнаго мышленія или описанія. Трагедія или комедія въ нѣсколько актовъ развертывается передъ нами и оканчивается въ одно мгновеніе; неудивительно, что это не поражаетъ того, у которого его сознательное «я» отсутствуетъ до такой степени, что не считаетъ себя творцомъ,—ни различныхъ лицъ, которые фигурируютъ въ его сновидѣніи, ни сценъ, въ которыхъ эти личности участвуютъ. Онъ присутствуетъ счастливый или страдающій, одобряющій или осуждающій при зрѣлищѣ, которое есть его собственное созданіе, и не имѣть ни воли, ни силы измѣнить его ходъ въ наималѣйшей степени.

Я укажу еще на одинъ фактъ, имѣющій отношеніе къ умственной силѣ спящаго, именно на

замѣчательную живость воспоминанія такихъ вѣщай, которыхъ онъ можетъ быть никакъ не въ силахъ вспомнить въ состоянія бодрствованія. Въ сновидѣніи мы можемъ пользоваться давно неупотреблявшимся запасомъ нашей памяти, выбирая и мѣшай давнослучившееся съ только что пережитымъ и разнообразя сцены до такой степени, до которой въ бодрствующемъ состояніи мы не можемъ дойти, какъ бы мы сильно не напрягали способность нашего сознательного воспоминанія. Мы воспроизводимъ въ сновидѣніи съ поражающею живостью и точностью подробности давно случившихся происшествій, чувства, которые они вызывали, черты давно умершаго лица, тонъ какого нибудь голоса и т. п.

Такой фактъ, имѣющій себѣ параллель въ опытахъ надъ бредомъ и въ моментальномъ проблескѣ воспоминанія передъ безсознательностью, у тонущихъ, показываетъ во 1-хъ, что мы не можемъ забыть того, что когда-то было предметомъ нашего наблюденія и вошло разъ въ составъ нашего умственного опыта, и во 2-хъ, какъ мало участія принимаетъ сознаніе какъ дѣятель въ существенныхъ частяхъ функцій воспоминанія и воображенія. Когда мы бодрствуемъ, умственная энергія возрастаетъ въ извѣстныхъ направленіяхъ обычной дѣятельности, которая опредѣляются нашими обычными занятіями и опытностью; она направляется по привычнымъ путямъ, къ которымъ ис-

ключительно привлекается сознаніе. Привычки и внѣшнія впечатлѣнія контролируютъ и опредѣляютъ наши мысли въ большей степени, чѣмъ мы привыкли это думать, такъ что, какъ бы мы ни были погружены въ мечты, мысли наши не могутъ заходить такъ далеко, какъ въ томъ случаѣ, когда исключены всѣ внѣшнія впечатлѣнія. Когда мы спимъ и не воспринимаемъ внѣшнихъ впечатлѣній, и мысль наша не идетъ по путямъ обычныхъ функций,— идеи возникаютъ независимо отъ своихъ ассоціаций по физическимъ причинамъ и поэтому-то не остается ни одного уголка въ мозгу, уѣзъ котораго бы зарегистрированныя памятью впечатлѣнія не могли бы быть вызваны къ непривычной дѣятельности. Частольку, поскольку не существуетъ ничего, что могло бы отвлечь сознаніе отъ идеи, пробуждающейся къ моментальной дѣятельности, постольку эта идея отличается необыкновенною живостью, и чѣмъ болѣе, связанныя съ этой главною идею, другія относящіяся къ ней идеи находятся въ покой, тѣмъ болѣе она не допускаетъ никакой поправки и представляется въ преувеличенныхъ размѣрахъ.

Стараясь найти объясненіе для замѣчательного оживанія забытыхъ происшествій въ сновидѣніи, мы должны принять во вниманіе, во-первыхъ, отсутствіе внѣшнихъ впечатлѣній, направляющихъ умъ по извѣстнымъ путямъ привычныхъ функций, по которымъ мы не можемъ придти къ воспоми-

нанію забытыхъ происшествій, и какъ возможный, отсюда проистекающій результатъ,—открытие не-привычныхъ или пренебрегаемыхъ нами путей, которые какъ разъ ведутъ къ этому воспоминанію. Во-вторыхъ, непосредственное возбужденіе отдален-нейшихъ нервныхъ элементовъ при посредствѣ кровообращенія; при этомъ кровь, протекая по без-численному множеству мельчайшихъ каналовъ, лежащихъ въ самыхъ потаенныхъ уголкахъ мозго-ваго зданія, будетъ сообразно разнообразію своихъ качественныхъ и количественныхъ колебаній и быстротѣ струи, возбуждать къ дѣятельности тѣ нервныя клѣтки, съ которыми она будетъ сталки-ваться и очевидно однообразно дѣйствовать какъ на самыя отдаленные, такъ и на самыя близкія регистраціи. Въ-третьихъ, возможное возбужденіе какимъ-нибудь внутреннимъ органомъ тѣла той части мозга, къ которой онъ находится въ спе-циальномъ подчиненномъ отношеніи или, другими словами, въ которой онъ имѣеть своего мозгового представителя.

Каково бы ни было объясненіе, во всякомъ слу-чавъ неопровержимъ тотъ фактъ, что нѣкоторыя лица вспоминаютъ во снѣ названія и вещи, кото-рыя они совершенно забыли, и вспоминая которыхъ они весьма вѣроятно не сознаютъ, что—это воспомина-нія, подобно тому, какъ мысли въ теченіе дня, кажущіяся намъ новопріобрѣтенными, могли суще-ствовать раньше, или могли явиться по поводу

давно прочитанной книги. Мори разсказываетъ, между прочимъ, слѣдующій случай. Во время своего дѣтства онъ былъ въ Трильпортѣ, деревнѣ на Марвѣ, гдѣ отецъ его строилъ мостъ. Спустя долгое время послѣ этого, ему снилось, что онъ ребенокъ и играетъ въ Трильпортѣ и что онъ встрѣчаетъ тамъ какого-то человѣка въ формѣ и спрашиваетъ какъ его зовутъ. Человѣкъ этотъ отвѣтилъ, что его зовутъ К— и что онъ надсмотрщикъ—и исчезъ. Мори проснулся съ именемъ К—, раздавшимся въ его ушахъ, которое для него было совершенно чуждо и о которомъ онъ не могъ припомнить, чтобы когда либо его слышалъ. Спустя нѣкоторое время, однако, онъ освѣдомился у старой служанки, служившей у его отца, не знаетъ ли она кого нибудь, называвшагося К—, и она тотчасъ же отвѣчала, что К— былъ надсмотрщикомъ на Марвѣ въ то время, когда строился мостъ. Сы сами по себѣ замѣчательно скоро забываютъ, безъ сомнѣнія, частью потому, что они слишкомъ мало связаны съ дѣйствительнымъ опытомъ жизни и частью вслѣдствіе своей безсвязности. Мы не можемъ запомнить одной сотой части того, что мы видимъ, слышимъ, чувствуемъ, думаемъ и дѣлаемъ втеченіи дня, и было бы весьма неразумно старайся о такомъ запоминаніи при условіяхъ нашей ограниченной способности памяти и въ виду нашего краткаго жизненнаго поприща. Если мы станемъ прислушиваться впродолженіе нѣсколькихъ

минутъ къ безсвязному говору помѣшанного съ намѣренiemъ запомнить и повторить сейчасъ же его слова, то мы увидимъ по нашей неудачѣ въ этомъ отношеніи, въ какой сильной степени безсвязность мѣшаетъ воспоминанію. Мы видимъ во время нашихъ сновидѣній множество лицъ, которыхъ мы, когда проснемся, никакъ не можемъ признать за видѣнныхъ нами прежде; суть ли они плодъ нашего воображенія, или это дѣйствительно забытыя нами воспоминанія? Житель какого нибудь большаго и промышленного города видитъ въ теченіе дня сотни лицъ, которыхъ онъ хотя бы и желалъ, но не можетъ вспомнить, и совершенно возможно, что многія изъ нихъ отъ времени до времени являются ему во снѣ. Всѣмъ хорошо известно, что какое нибудь изъ лицъ сновидѣнія, не поддающееся воспоминанію, въ состояніи бодрствованія, можетъ появляться и быть вспоминаемо въ послѣдующихъ снахъ. Лица, являющіяся въ сновидѣніи, могутъ считаться поэту воспроизведенными, а не выдуманными; но болѣе вѣроятно, что мы ихъ выдумываемъ, подобно тому какъ выдумываемъ сцены, происшествія и даже слова, которыми, какъ намъ кажется, мы совершенно ясно выражаемъ свою мысль и которые, если еще звучать въ нашихъ ушахъ по пробужденіи, оказываются очевидною нелѣпостью. Дѣйствіе воображенія въ сновидѣніи, такъ же какъ и во время бодрствованія, безъ сомнѣнія, продуктивно по отношенію

къ формѣ и непродуктивно по отношенію къ материалу.

Переходя теперь отъ этихъ общихъ наблюдений и разсужденій относительно сновидѣній къ изслѣдованію причинъ и условій, опредѣляющихъ ихъ происхожденіе и свойства, я буду ихъ разматривать, классифицируя ихъ подъ шестью главными рубриками, что дѣлается мною болѣе для удобства изложенія, чѣмъ въ виду дѣйствительной потребности такого раздѣленія. Рубрики эти слѣдующія:

1) характеръ и предшествовавшій умственный опытъ; 2) впечатлѣнія спеціальныхъ чувствъ; 3) состояніе мускульной чувствительности; 4) органическія или системныя впечатлѣнія; 5) условія мозгового кровообращенія; 6) состояніе или тонъ нервной системы.

ГЛАВА II.

1) *Личные свойства (характеръ) и предшествовавшій умственный опытъ.*

Мы никогда не имѣли бы сновидѣній, и нашъ сонъ быль бы подобенъ сну новорожденного, если бы у насъ не было известнаго умственнаго опыта, который давалъ бы материалъ, давалъ бы намъ эле-

менты, изъ которыхъ мы создаемъ новыя формы. Повседневное наблюденіе показываетъ, что мысли и чувствованія дня вновь появляются въ различныхъ видахъ въ сновидѣніи; появление ихъ будетъ тѣмъ вѣроятнѣе, чѣмъ живѣе мы были затронуты ими въ свое время. Нѣкоторыя лица такъ чувствительны въ этомъ отношеніи, что каждое сильное чувство или впечатлѣніе, испытанное ими въ теченіе дня, повторяется, дѣлаясь объектомъ сновидѣнія ночью. Хотя справедливо, что въ образахъ сновидѣній болѣе всего являются непосредственно предшествующій или сравнительно недавній опытъ, восстановляемый путемъ прямой ассоціаціи, между тѣмъ какъ давнишній опытъ, становится неотчетливъ, а иногда даже совсѣмъ угасаетъ,—однако, замѣчательно, съ какой необыкновенной живостью могутъ возставать въ сновидѣніи старыя и забытыя нами лица, мѣстности и т. п. Это есть результатъ или какого нибудь случайного стимула (возбужденія, толчка), данного въ теченіи дня старымъ ассоціаціямъ, или необычнаго нарушенія тѣлеснаго состоянія, вызывающаго къ дѣятельности матеріалъ старыхъ ассоціацій. Д-ръ Дарвинъ приводитъ случай одного господина, который былъ глухъ въ теченіи тридцати лѣтъ и могъ сообщаться съ другими лицами только письменно или посредствомъ пальцевой азбуки. Этотъ господинъ увѣрялъ его, что и во снѣ онъ никогда не видѣтъ людей, которые бы разговаривали съ нимъ иначе, какъ

письменно или на пальцахъ, и затѣмъ, что у него никогда не являлось представлениа, что онъ слышать ихъ говорящими. Тѣмъ не менѣе трудно предположить, чтобы прежній опытъ этого господина по отношенію къ говору былъ утраченъ; онъ могъ бы снова ожить въ какомъ нибудь сновидѣніи, если бы случайно явился подходящій стимулъ, могущій его вызвать. Выдающіяся воспоминанія нашей молодости очень часто оживаютъ въ сновидѣніи, многія сцены котораго замѣтно носятъ на себѣ слѣды нашихъ школьніхъ или университетскихъ воспоминаній. Характеръ этихъ сценъ—все равно, будетъ ли материалъ, составляющій для нихъ подкладку, старъ или новъ—запечатлѣнъ въ сильной степени индивидуальнымъ характеромъ спящаго, который, если онъ гордъ или низкопоклоненъ, заносчивъ или уступчивъ, дерзокъ или скроменъ, сангвиникъ или меланхоликъ, мстителенъ или снисходителенъ, великодушенъ или подлъ, откровененъ или хитеръ,—не теряетъ своего характера и въ видѣніяхъ. Благодаря этому вліянію характера, можно допустить, такъ сказать, возвращеніе къ опыту предковъ и пробужденіе къ дѣятельности субстратовъ этого послѣдняго, потому что человѣкъ, характеръ котораго проявляетъ черты характера, свойственного его дѣду, можетъ, такъ-сказать, повторять или восполнять то, что чувствовалъ его дѣдъ.

Кромѣ явныхъ непосредственныхъ ассоціацій, которыхъ легко прослѣдить, существуютъ еще кос-

венные, болѣе тонкіе пути, которые не такъ легко открыть; путемъ этихъ послѣднихъ какое нибудь впечатлѣніе или происшествіе дня можетъ возстановить воспоминаніе давно прошедшаго. Ощущеніе, которое ассоціировалось съ какимъ нибудь давно бывшимъ умственнымъ опытомъ, напр., ощущеніе какого нибудь особенного звука или — еще лучше — какого нибудь особенного запаха, можетъ иногда вызвать въ сновидѣніи мысли и чувствованія вышеупомянутаго опыта, хотя бы оно и было моментальнымъ воспріятіемъ и не возбуждало бы никакихъ ассоціацій въ теченіи дня. Мало того, всякая частная идея или частное существованіе, быстро проходящее черезъ сознаніе — какъ проходящее и изолированное состояніе — будетъ вести за собой тѣ же результаты. На улицѣ, меня внезапно обдало какимъ нибудь запахомъ, и я вижу во снѣ сцены моего дѣтства, ассоціированныя съ этимъ запахомъ, которыя мнѣ и въ голову не пришли въ теченіи дня. Я вижу какого нибудь человѣка или слышу какъ упомянули его имя въ теченіи дня — и въ сновидѣніи мнѣ является его жена, о которой я ни мало не думалъ. Весьма вѣроятно, что такія мимолетные намеки или происшествія дня даютъ намъ возможность объяснить тотъ, повидимому загадочный способъ, путемъ котораго мы въ нашихъ сновидѣніяхъ можемъ возвращаться къ сценамъ и происшествіямъ нашего ранняго дѣтства, хотя бы мы и не могли отдать себѣ

отчета, что именно могло вызвать такое воспоминание. Имъя въ виду массу вліяній, которымъ мы подвергаемся въ теченіи дня и изъ коихъ нѣкоторыя едвали достигаютъ сознанія, имъя въ виду то множество являющихся у насъ мыслей, наконецъ, тѣ разнообразныя чувствованія, которыхъ мы испытываемъ,—ясно что во всемъ этомъ мы имъемъ вероятное объясненіе множества сновъ, могущественно опутывающихъ насъ. Всплываютъ невѣдомые и необычные слѣды ассоціацій и, развертываясь, ведутъ насъ къ воспоминанію давно забытыхъ опытовъ. Въ этомъ отношеніи не слѣдуетъ никогда упускать изъ виду того, что мысль, вызванная къ дѣятельности, приводить въ колебаніе не исключительно одну струну ассоціаціи, а лишь *преимущественно* одну ея струну, такъ что и всѣ другие члены ассоціаціи испытываютъ частое колебаніе, хотя эти послѣдніе прекращаются, не будучи замѣчены. Во время же сна можетъ быть вызвана къ большему дѣйствію одна изъ этихъ побочныхъ необычныхъ струнъ ассоціаціи, и это приведетъ къ оживленію ассоціацій менѣе обычныхъ, чѣмъ тѣ, которыми мы пользуемся въ состояніи бодрствованія.

Замѣтимъ еще, что обыкновенное чувство, явившееся результатомъ какой нибудь сцены или происшествія, случившихся въ теченіи дня, вызоветъ въ сновидѣніи такія сцены или происшествія изъ прошлаго, которыхъ когда нибудь прежде возбуждали въ насъ подобное же чувство, хотя бы эти сце-

ны не имѣли никакой связи съ настоящимъ про-
исшествіемъ, и были различны съ нимъ по време-
ни. Напримѣръ, какое нибудь непріятное происше-
ствіе дня наносить тяжелый ударъ нашему само-
любію и возбуждаетъ въ насъ смѣшанное чувство
подавленности и униженія; это непріятное чувство,
и послѣ того, какъ мы перестанемъ о немъ ду-
мать, останется,— какъ и всѣ подобныя чувства,
только въ видѣ смутной подавленности; присут-
ствуя въ такомъ видѣ въ сновидѣніи, оно переве-
дется въ соотвѣтствующіе ему образы; мы напр.,
благодаря этому чувству, увидимъ во снѣ, если
съ нами случилось горе, тѣ изъ нашихъ школь-
ныхъ дней, когда мы испытывали подобное же
угнетеніе чувства и, быть можетъ, объединимъ
лица и происшествія нашего дѣтства съ лицами и
происшествіями того приключенія, которое на насъ
такъ непріятно подѣйствовало днемъ. Сходное чув-
ство вызвало почти позабытую цѣль соотвѣтствен-
ныхъ (*sympathetic*) идей, и мы въ нашихъ сно-
видѣніяхъ ни мало не удивляемся, видя себя, воз-
мужалаго человѣка, испытывающимъ непріятное
положеніе школьнаго подчиненія. Подобнымъ же
образомъ чувство радости или гордости, возбужден-
ное въ насъ какимъ нибудь мимолетнымъ случаемъ
дня, найдетъ себѣ конкретное представлѣніе или
выраженіе, въ соотвѣтствующихъ образахъ сно-
видѣнія.

Нѣкоторые склонны думать, что непріятныя чув-

ства, которых мы испытываемъ въ сновидѣніяхъ, производятся непріятными для насъ образами и происшествіями нашихъ сновидѣній; но на самомъ дѣлѣ это не такъ; напротивъ, болѣе вѣроятно, что чувство возбуждаетъ соотвѣтствующіе ему образы. Извѣстно, что умъ, какъ въ состояніи полного сознанія, такъ и при отсутствіи послѣдняго, привыкъ искать и, если нужно, то даже создавать вицѣній объектъ (поворъ, предметъ) какъ причину своихъ чувствованій; если же такой объективной причины не окажется, то онъ приписываетъ какому нибудь безразличному предмету такія свойства, которые способны вызвать требуемое чувство, или же просто будетъ создавать подходящіе объекты; это-то стремленіе ума прекрасно иллюстрируется въ сновидѣніи и въ помѣшательствѣ. Кольриджъ весьма вѣрно замѣтилъ, что образы сновидѣнія претерпѣваютъ самыя странныя и самыя неожиданныя метаморфозы, не вызывая въ насъ никакого удивленія, и что они исчезаютъ вмѣстѣ съ сопровождающимъ ихъ чувствомъ ужаса, въ тотъ моментъ, какъ мы просыпаемся; между тѣмъ этого не могло бы быть, если бы они служили причинами появленія въ насъ чувства ужаса. Подобнымъ же образомъ мучительные ложныя представленія человѣка, страдающаго формой глубокаго умственного угнетенія, извѣстной подъ именемъ меланхоліи, подвергаются иногда изменениямъ въ содержаніи, переходя, можетъ быть, отъ ужаснаго къ смѣшному причемъ не наблю-

дается ни малѣйшаго измѣненія въ его субъективномъ чувствѣ страданія. Конечно, это чувство можетъ существовать въ теченіи извѣстнаго времени въ формѣ смутнаго, но ужаснаго чувства и безъ всякаго опредѣленнаго ложнаго представлениія, а содержаніе ложныхъ представлений скорѣе создается частными условіями, чѣмъ сущностью самой болѣзни. Въ зарожденіи и образованіи образовъ ужаса изъ разстроеннаго чувства мы видимъ объясненіе дѣйствительной природы такъ называемыхъ привидѣній и «явленій»: они суть ни болѣе ни менѣе, какъ результаты или показатели чувства страшнаго ожиданія, появившагося или вслѣдствіе чтенія, или разговора, или мыслей по этому поводу. Когда Лютеръ увидѣлъ дьявола, входящаго въ его комнату, въ Виттенбергѣ, и въ то же мгновеніе бросилъ въ его голову чернильницу, то, повидимому онъ не былъ ни испуганъ, ни удивленъ, а скорѣе смотрѣлъ на появленіе дьявола, какъ на хитрость, которую онъ предвидѣлъ отъ противника на основаніи ихъ прежнихъ столкновеній. Я не думаю, чтобы Лютеръ нашелся такъ скоро и былъ бы такъ энергиченъ въ своемъ нападеніи, еслибы дьяволъ, дѣйствительно, удивилъ его тѣмъ, что вошелъ къ нему въ комнату. Тѣ, которые видятъ привидѣнія при такихъ обстоятельствахъ умственной подготовки, не особенно много страдаютъ при ихъ появленіи, хотя они, разсказывая случившееся съ ними другимъ, могутъ утверждать, что у нихъ

волосы стояли дыбомъ на головѣ и что они едва не умерли со страху. Между тѣмъ, другіе—тѣ, которые, дѣйствительно были испуганы внезапно явившимся видѣніемъ — какъ, напр., кѣмъ-нибудь преднамѣренно рядившимся въ привидѣніе — на тѣхъ очень часто весьма серьезнымъ образомъ вліяль испугъ, они падали въ обморокъ, съ ними дѣлались припадки, иногда послѣдствіемъ такого потрясенія являлось мозговое заболѣваніе, случалось даже, что испугъ убивалъ на мѣстѣ. Въ одномъ случаѣ наше сознаніе было достаточно подготовлено къ видѣнію,— путемъ предшествовавшаго состоянія чувства, почему и не было большаго удивленія; въ другомъ случаѣ это видѣніе предстало неожиданно передъ не гармонировавшимъ съ нимъ состояніемъ сознанія, отсюда—страшное потрясеніе и соотвѣтственно этому печальные результаты.

Мы взяли бы на себя слишкомъ большую задачу, еслибы хотѣли достаточнымъ образомъ познакомиться съ явленіями сновидѣнія, и не только одна глава, но и цѣлая книга не вмѣстила бы въ себѣ результатовъ нашего полнаго изслѣдованія. Я ограничусь разсказомъ про одно изъ моихъ собственныхъ сновидѣній, которыя являлись послѣдовательно во время нѣкоей тревожной ночи; цѣлью моей будетъ указать какъ самыя нелѣпыя происшествія, если ихъ разсмотрѣть съ достаточнымъ вниманіемъ, могутъ быть сведены къ обстоятельствамъ прошлаго опыта. Мнѣ снилось, что я на-

ходился въ большомъ зданіи, наполненномъ народомъ. Зданіе это отчасти походило на церковь, а отчасти на общественный залъ. Далѣе я видѣлъ, что два священнослужителя, изъ которыхъ какъ-то сдѣлалось трое, шли по среднему проходу къ каѳедрѣ, которая находилась сбоку; двое изъ нихъ свернули въ сторону, чтобы войти въ нее, а третій продолжалъ идти дальше, по направленію къ тому мѣсту, гдѣ долженъ быть алтарь. Затѣмъ онъ куда-то таинственно исчезъ, а съ нимъ вмѣстѣ исчезъ и проходъ. Одинъ изъ священнослужителей представился мнѣ въ уродливомъ видѣ, онъ былъ какъ-бы согнутъ пополамъ, и какъ только онъ вошелъ на каѳедру то она тотчасъ же преобразовалась въ нечто похожее на помостъ въ общественныхъ залахъ, съ сидѣньями, расположеннымыи рядами и наполненными народомъ—я-же находился въ концѣ одного изъ этихъ рядовъ. Одинъ изъ священнослужителей началъ службу чтеніемъ открытаго передъ нимъ псалма, но какой это былъ псаломъ я никакъ не могъ узнать, чѣмъ былъ не мало удивленъ. Другой же вмѣсто того, чтобы продолжать службу пѣніемъ „dearly beloved“, началъ читать скучную исторію изъ какой-то странной книги, что меня очень утомило; вдругъ, внезапно, въ то самое время, когда я спрашивалъ у самаго себя, что-бы это такое онъ могъ, читать, какой-то старый человѣкъ, стоящій посереди церкви или общественнаго зала, возгласилъ: «Да будетъ

проклято великолѣпіе смерти, дайте намъ удержать жизнь», и затѣмъ началъ выкрикивать гимнъ, какъ въ былое время дѣлали это приходскіе псаломщики. Все собраніе осталбенѣло отъ изумленія, а я обернулся, и, поставивъ одну руку передъ глазами, началъ отъ души смеяться. Въ эту минуту я увидѣлъ передъ собой одного изъ моихъ нѣмецкихъ друзей, съ которымъ я не видался очень давно — и проснулся.

Таковъ былъ мой сонъ, а объясненіе его слѣдующее: залъ, который я видѣлъ во снѣ представляетъ собою соединеніе двухъ воспоминаній: 1) старой приходской церкви въ которую я ходилъ когда былъ мальчикомъ и 2) „St. James's Hall“, гдѣ я недавно былъ на многолюдномъ митингѣ и сидѣлъ по случаю недостатка мѣста позади помоста. Уродливый священнослужитель походилъ на господина, котораго я десять лѣтъ тому назадъ привыкъ очень часто встрѣчать на улицѣ, такъ какъ его дверь приходилась рядомъ съ моей; я помню, что онъ произвелъ на меня впечатлѣніе, когда я его увидѣлъ. Онъ не принадлежалъ къ духовенству, и не принималъ никакого участія ни въ одномъ изъ происшествій моей жизни — и какимъ образомъ онъ могъ появиться въ этомъ сновидѣніи я не могу себѣ объяснить. Длинная исторія, которую онъ началъ читать на каѳедрѣ вмѣсто своего собственнаго обращенія къ народу, очевидно находитъ себѣ основаніе въ слѣдующемъ фактѣ. Втеченіе дня я

читалъ газету, въ которой былъ помѣщенъ отчетъ о жизни д-ра Ньюмана изъ „Oratory“ въ Бирмингамѣ; въ этомъ отчетѣ говорилось, что когда братья „Oratory“ садились за обѣдъ, то одинъ изъ нихъ читалъ вслухъ житіе какого-нибудь святаго или другую поучительную книгу.

Возгласъ старого человѣка, который походилъ (хотя не лицомъ, но манерами) на приходскаго псаломщика, видѣннаго мною въ дни моего дѣтства, произошелъ отъ весьма известной фразы Жанъ-Поля, которая часто вертѣлась у меня на умѣ: «О, какъ восхитительна смерть, когда мы знаемъ, что умираемъ въ мірѣ жизни и безконечнаго творчества», а послѣдняя часть этого возгласа, очевидно, была взята мною изъ слѣдующихъ строкъ Теннисона:

„Tis life not deaath, for which we pan
More life and fuller, that we want“.

(Мы тоскуемъ о жизни, а не по смерти, такъ какъ мы хотимъ жить больше и полно).

То, что я обернулся и засмѣялся, держа свою руку передъ глазами, было ни болѣе ни менѣе какъ воспоминаніе одной штуки моего пріятеля, нѣмца, которую онъ дѣлалъ на собраніяхъ, когда ужъ очень бывалъ развеселенъ тѣмъ, что онъ называлъ «отмѣннымъ хвастовствомъ» (capital humbug). Повтореніе движенія моего пріятеля вызвало передомною его образъ. Весь этотъ сонъ продолжался не больше мгновенія, такъ какъ это было въ такую ночь, что какъ только я засыпалъ, то тотчасъ

же мною съ необыкновенною силою овладѣвали сновидѣнія, и я опять просыпался. Черезъ нѣсколько ночей мнѣ снилось, что я самыи ревностнымъ образомъ стараюсь начертать ассоціаціи моего сновидѣнія. Такой сонъ явился, безъ сомнѣнія, какъ послѣдствіе, во-первыхъ, особенного вниманія, обращаемаго мною незадолго передъ этимъ на происшествія моихъ сновъ, и, во-вторыхъ, моихъ усилий для объясненія послѣднихъ.

Подъ рубрику *предшествовавшаго умственнаго опыта*—хотя бы и не нашего личнаго—мы можемъ включить и тѣ случаи сна, которые являются какъ бы возвращеніями къ типамъ мысли, чувствованія и дѣйствія нашихъ предковъ. Возьмемъ для примѣра случай, упоминаемый Дарвиномъ. Одинъ господинъ имѣлъ обыкновеніе во время крѣпкаго сна дѣлать особенное движеніе правой рукой. Онъ медленно приподнималъ ее надъ лицемъ и затѣмъ съ силою опускалъ надъ носомъ; сынъ и внучка этого господина во время глубокаго сна съ точностью воспроизводили эти движенія¹). Въ этомъ случаѣ нервные субстраты, возбужденные во время сна, проявились въ функціи движенія, заложенной въ ихъ строеніе опытомъ предковъ. Что же можетъ быть удивительнаго въ материализированномъ умственномъ опыте, возникшемъ тѣмъ же самыи пу-

¹⁾ Дарвинъ о „Выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ“. См. также весьма убѣдительную статью „Some organic Laws of Memory“ by D.-r. Laycock въ Journal of Mental Science July, 1875.

темъ? Такая обыденная фраза, какъ: «это не болѣе ни менѣе, какъ одна изъ привычекъ его отца», можетъ быть съ такою же справедливостью отнесена къ духу, какъ и къ тѣлу, и можетъ прилагаться къ душѣ какъ спящей, такъ и бодрствующей.

Я перехожу теперь къ разсмотрѣнію другаго класса стимуловъ сновидѣнія. Я уже довольно говорилъ о томъ, что самыя незначительныя происшествія дня могутъ вести къ оживанію давно забытыхъ опытовъ и къ ихъ употребленію въ самыхъ странныхъ и самыхъ причудливыхъ драматическихъ сплетеніяхъ. Отсюда мы видимъ, что сила сочетанія и творчества, лежащая въ корнѣ того, что мы называемъ воображеніемъ, представляетъ по своему характеру нѣчто самопроизвольное, а въ своихъ дѣйствіяхъ почти мгновенное и даже болѣе изобрѣтательное во время сна, чѣмъ во время бодрствованія.

2) *Впечатлѣнія специальныхъ чувствъ.* Такъ какъ наши чувства подвергаются не одинаково глубокому сну, то поэтому то или другое изъ нихъ можетъ настолько бодрствовать, что сохранить за собою способность воспринимать впечатлѣнія, и несомнѣнно, что такія впечатлѣнія могутъ быть причиной сновидѣнія и опредѣлять его характеръ. Д-ръ Грегори передаетъ намъ, что, уснувъ съ бутылкою горячей воды, приложенной къ ногамъ, онъ видѣлъ во снѣ, будто всходилъ на кратеръ Эtnы. Онъ никогда не былъ на Эtnѣ, но въ годы своего

дѣтства всходилъ на Везувій и ходилъ по краю кратера, причемъ испытывалъ ощущеніе теплоты въ ногахъ. Такое же самое ощущеніе, испытанное имъ отъ горячихъ бутылокъ, и было, вѣроятно, причиной особенного характера сна. Существуетъ также всѣмъ извѣстный разсказъ объ одномъ господинѣ, который спалъ съ мушкой, приложенной къ его обритой головѣ; ему снилось, что его скальпировали краснокожіе. Раздавшійся звукъ въ комнатѣ или виѣ ея, который дѣйствительно разбудить спящаго, можетъ быть причиной или принять участіе въ сновидѣніи, которое представится намъ довольно продолжительнымъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ займетъ одно мгновеніе: мы услышимъ звукъ прежде, чѣмъ онъ дѣйствительно сдѣлается сознательнымъ, и наша мысль, стремясь дать ему какое-нибудь объясненіе, вызоветъ, по всей вѣроятности, такія идеи, которыхъ ассоціировались съ какимъ нибудь или сильнымъ, или недавнимъ впечатлѣніемъ этого звука, полученнымъ во время бодрствованія ¹⁾.

¹⁾ Подобнымъ же образомъ, если мозгомъ воспринимается и усваивается впечатлѣніе раньше, чѣмъ оно будетъ сознано, и если сознаніе наступаетъ непосредственно вслѣдъ за этимъ восприятіемъ и усвоеніемъ, то намъ кажется, что это впечатлѣніе было уже раньше нами воспринято и сознано. При нѣкоторыхъ болѣзняхъ состояніяхъ мозга эти иллюзіи о предшествовавшихъ тежественныхъ опытахъ очень рѣзко обозначены. Въ „Archiv fr Psychiatrie“ д-ръ Пикъ приводитъ случай одного помѣшанного, находившагося въ заведеніи вслѣдствие возбужденія и ложныхъ представлений, что люди подмѣшивали яду въ его пищу, подслушивали его разговоры и т. д.

Альфредъ Мори испробовалъ цѣлый рядъ опытовъ надъ собой, съ цѣлью доказать вліяніе, производимое на него впечатлѣніями во время сна. Онъ поручалъ кому нибудь сидѣть около него и производить различныя возбужденія его чувствъ, не говоря прежде, что именно съ нимъ будуть дѣлать, и затѣмъ будить его вслѣдъ за произведеннымъ возбужденіемъ. Когда щекотали его губы и кончикъ носа перомъ, то ему снилось, что къ его лицу былъ приложенъ липкій пластырь и затѣмъ вдругъ отдернуть съ такой силой, что вмѣстѣ съ нимъ содралась кожа съ губъ, носа и лица. Когда щипали ему сзади шею, то ему снилось, что на затылкѣ у него была поставлена мушка, и это ощущеніе привело ему на мысль доктора, лѣчившаго его въ дѣтствѣ. Другіе опыты дали подобные же результаты, но во многихъ изъ нихъ нельзя было найти связи между стимуломъ и сновидѣніемъ. Полагаю, что многіе, и не однажды, видѣли во снѣ, что они идутъ голые по улицѣ и чувствуютъ смущеніе или непріятность вслѣдствіе

„Съ самаго дѣтства онъ испытывалъ неопределеннное сознаніе, что переживаемое имъ было ужѣ пережито раньше. Сначала это убѣженіе имѣло туманный и неопределенный характеръ, но съ течениемъ времени оно сдѣлалось яснѣе, такъ что онъ началъ даже думать, что живетъ какъ-то вдвойнѣ... Посѣщеніе различныхъ общественныхъ увеселеній, случайныя свиданія съ людьми дѣйствовали на его память такимъ образомъ, что онъ приобрѣталъ убѣженіе въ томъ, будто онъ уже былъ въ этихъ самыхъ мѣстахъ и видѣлъ этихъ людей при совершенно такихъ же обстоятельствахъ“. (Bd. VI, N. 2, p. 568).

такого несчастного положенія. Весьма вѣроятно, что причиною такого сновидѣнія было ощущеніе холода, явившееся, быть можетъ, вслѣдствіе недостаточно теплого одѣяла или вслѣдствіе того, что одѣяло могло съѣхать съ постели и, такимъ образомъ, обнажить какую нибудь часть тѣла. Если спящій находился въ лихорадочномъ состояніи, то ощущеніе озноба могло само по себѣ вызвать такое сновидѣніе даже и въ томъ случаѣ, если бы одѣяло было тепло и покрывало спящаго. Весьма понятно, что при лихорадкѣ или другомъ болѣзnenномъ состояніи, производящемъ возбужденіе или ненормальную чувствительность кожи, какъ, напр., при разстройствѣ желудка, впечатлѣнія, получаemyя кожей, будутъ извращены. Въ такомъ извращенномъ видѣ онѣ будутъ передаваться мозгу и, переводясь въ объективныя формы, могутъ претерпѣвать самыя необыкновенныя превращенія: такъ, легкое прикосновеніе можетъ явиться въ формѣ удара, раны или укушенія какимъ нибудь дикимъ животнымъ и будить спящаго, просыпающагося въ страхѣ кошмара.

Кольриджъ держится мнѣнія, что кошмаръ не есть простое сновидѣніе, но что онъ всегда появляется только тогда, когда мозгъ начинаетъ просыпаться и всего чаще наблюдается во время быстрого перехода отъ сна къ бодрствованію или колебанія между этими двумя состояніями. Онъ предполагаетъ, что въ этомъ случаѣ дѣйствительныя

впечатлѣнія извнѣ воспринимаются и смѣшиваются съ субъективными образами сновидѣнія, отчего и происходитъ большая реальность этихъ послѣднихъ, такъ какъ въ этотъ моментъ должна быть потеря способности различенія между субъективными образами и объективными реальностями. Безъ всякаго сомнѣнія, это иногда случается, но чтобы такъ было всегда — подвержено сомнѣнію. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что при той формѣ меланхоліи, въ которой умъ помѣшанного подверженъ смутнымъ, обширнымъ и ужасающимъ дельзіямъ (ложнымъ представлениямъ), а болѣй неспособенъ къ малѣйшему проявленію активнаго движенія и продолжаетъ сидѣть или стоять, какъ статуя, гдѣ бы его не помѣстить, находясь какъ бы подъ вліяніемъ тяжелаго кошмара, впечатлѣнія, извнѣ получаемыя внѣшними чувствами, извращаются, принимая окраску этихъ подавляющихъ ложныхъ представлений. Больной не дѣлаетъ различенія между субъективными чувствами, возникающими на почвѣ его болѣзненнаго состоянія, и дѣйствительными впечатлѣніями, воспринимаемыми органами его внѣшнихъ чувствъ. Заботливыя старанія друзей вывести его изъ такой страшной летаргіи, успокоить его сочувственными увѣреніями, подкрепить его пригодною для этого пищею, отъ которой онъ отказывается, кажутся ему злобнымъ издѣвательствомъ и пытками мучающихъ его демоновъ, которыми онъ окруженнъ. Въ менѣе рѣзкихъ случаяхъ умственного

разстройства также довольно обычно перетолковываніе дѣйствительныхъ ощущеній. Извращенное чувство вкуса, могущее быть послѣдствіемъ разстройства пищеваренія, вызываетъ или укрѣпляетъ въ большомъ умѣ ложное представлениe о ядѣ, подмѣшанномъ въ пищу. Извращенное чувство обонянія принимается за дѣйствіе гибельныхъ паровъ, разсѣянныхъ въ воздухѣ; разстроенное чувство осознанія внушаетъ мысль о таинственныхъ магнитическихъ вліяніяхъ. Далѣе, разъ ложное толкованіе было сдѣлано, оно реагируетъ на чувство и усиливаетъ разстроенное ощущеніе, подобно тому, какъ ожиданіе какого либо особаго, имѣющаго наступить ощущенія, обостряетъ способность къ его восприятію. Эти точки сходства между дѣятельностью ума у спящаго и у помѣшанного тѣмъ болѣе интересны, что они проливаются свѣтъ на каждое изъ этихъ явлений въ отдѣльности, такъ что если бы мы могли охватить дѣйствительныя условія, при которыхъ протекаетъ сновидѣніе, то ясно, что получили бы нить для руководства нашими изслѣдованіями въ самыхъ потаенныхъ областяхъ помѣшательства.

3) *Органическія или системныя впечатлѣнія.* Подъ эту рубрику я помѣщу особенного рода сновидѣнія, которые являлись у меня отъ времени до времени и которые, какъ я увѣренъ, берутъ свое начало въ извѣстныхъ состояніяхъ кишечнаго канала. Я принимаю здѣсь за доказанное, что каж-

дый внутренній органъ тѣла, независимо отъ своего косвенного дѣйствія на нервную систему при посредствѣ измѣненій въ составѣ крови, оказываетъ и специфическое дѣйствіе на мозгъ при помо-щи связующихъ нервныхъ волоконъ; сознаваемымъ результатомъ этого вліянія и является известное измѣненіе въ характерѣ или тонѣ нашихъ психи-ческихъ способностей. Мы не сознаемъ прямо это-го физиологического дѣйствія въ формѣ опредѣлен-наго чувствованія, но, тѣмъ не менѣе, результаты его проявляются въ настроеніяхъ чувства, которыя часто поражаютъ насъ своею безпричинностью. Въ самомъ дѣлѣ, эти ограниченные результаты физио-логического согласія органовъ лежать въ основаніи игры чувства; тонъ нашего чувства будетъ гармо-ническимъ или негармоническимъ вслѣдствіе слож-ныхъ взаимодѣйствій нашихъ органовъ; въ нихъ же лежитъ основаніе напряженія силы, которую мы проявляемъ въ формѣ воли, и та окраска чувства, подъ вліяніемъ которой мы такъ или иначе смо-тримъ на жизнь. Принимая это положеніе, намъ становится яснымъ тотъ фактъ, что во время сна при бездѣйствующихъ внѣшнихъ чувствахъ, когда сознательная работа ума не дѣйствуетъ, эти вну-тренніе результаты проявляютъ себя болѣе рѣзко, подобно тому, какъ звѣзды свѣтятъ ярко только тогда, когда нѣтъ солнца, которое бы затемняло ихъ своимъ ослѣпительнымъ свѣтомъ. Соответ-ственное настроеніе или чувство, возбужденное из-

вѣстнымъ органомъ, могущее вслѣдствіе какой ни-
будь причины, заключающейся въ немъ самомъ,
оказывать болѣе дѣятельное вліяніе на мозгъ, чѣмъ
это обыкновенно бываетъ во снѣ, вызоветъ къ дѣя-
тельности идеи, соотвѣтствующія этому настроенію,
давая такимъ образомъ фонъ, на который набра-
сывается и соотвѣтствующая картина сновидѣнія.
Такое настроеніе не будетъ прямо опредѣлять спе-
цифическія формы идей, но опредѣлить основной тонъ,
подавленный или возбужденный, той драмы, которая
изъ нихъ строится, иначе говоря, опредѣлить ха-
рактеръ дѣйствія, соотвѣтствующій личности.

Безспорно, что мы прямо открываемъ въ этихъ
операцияхъ причины многихъ сновъ, такъ какъ
есть множество неопределенныхъ перемѣнъ въ на-
шемъ системномъ чувствѣ, которыя могутъ сильно
и разнообразно вліять на наши сновидѣнія, хотя
во время бодрствованія мы не можемъ ни разли-
чить, ни описать этихъ перемѣнъ. Когда во время
сна дыханіе недостаточно свободно и дѣятельность
сердца стѣснена, что иногда бываетъ совершенно
случайно, спящій можетъ внезапно проснуться съ
мыслью о чѣмъ-то ужасномъ, случившемся съ нимъ
въ сновидѣніи. Естественные и непроизвольныя
движенія, выражаютсѧ подавленное состояніе серд-
ца, заключаются въ такомъ дѣйствіи мускуловъ
лица и дыханія, которое выражаетъ страхъ или
опасенія; но такое дѣйствіе не можетъ имѣть мѣс-
та во снѣ и замѣщается столь же невольнымъ вы-

раженіемъ физического состоянія въ формѣ ужасающаго настъ сновидѣнія и въ изступленномъ, но безплодномъ желаніи избѣгнуть угрожающей опасности. Когда возникаетъ какая нибудь страсть или, вѣрнѣе, когда вызывается такое возбужденіе нервнаго субстрата, которое служить физиологическимъ основаніемъ страсти, то энергія можетъ расходоваться двоякимъ образомъ: или приведеніемъ въ дѣйствіе мускуловъ, служащихъ ея естественными выразителями, или вызваніемъ относящихся къ ней образовъ, соотвѣтственныхъ идей и переработкой ихъ въ драматическое дѣйствіе. Если кто нибудь спитъ крѣпкимъ, хорошоимъ сномъ, то я заключаю, что его двигательные центры и мускульная система также настолько спятъ, что не могутъ служить выраженіемъ его внутренняго состоянія посредствомъ соотвѣтствующихъ движений, и что энергія его внутренняго состоянія расходуется главнымъ образомъ въ мучительныхъ образахъ сновидѣнія. Существуетъ какъ бы родъ обратнаго отношенія между идеями и движениями по отношенію къ ихъ дѣйствію. Когда мы охвачены какой нибудь мыслью, тѣло наше находится въ покой и дыханіе дѣлается медленнѣе; когда же мы находимся въ движениіи и дышемъ часто, то не можемъ думать. Помѣшанный, умъ котораго подавленъ какимъ нибудь неопределеннымъ ужасающимъ ложнымъ представлениемъ, находится въ полной бездѣятельности и сидитъ какъ статуя; также и эк-

статикъ, когда онъ восхищень созерцаніемъ, проявляетъ полную бездѣятельность, упадокъ пульса и дыханія; страсть, которая находитъ себѣ исходъ въ усиленной рѣчи или въ другихъ движеніяхъ, не очень разстраиваетъ мысль; наоборотъ, злоба, не находящая внѣшняго выхода, вызываетъ толпу губительныхъ мыслей. Подобнымъ же образомъ дѣятельное состояніе какой нибудь части мозга, возбужденное однимъ изъ органовъ пищеваренія, во время сна становится причиною сновидѣнія, между тѣмъ какъ въ состояніи бодрствованія оно вызвало бы только зѣвоту, вытягиваніе ногъ и т. п. Существуетъ множество, повидимому, безцѣльныхъ движеній, постоянно производимыхъ нами и которыхъ мы почти не замѣчаемъ въ состояніи бодрствованія,—стимулы-то этимъ движеніямъ и даются со стороны органической жизни. Правда, что мы дѣлаемъ движенія и во снѣ, мы двигаемъ руками вытягиваемъ ноги, ворочаемъ наше тѣло; но вообще во снѣ проявляютъ большую дѣятельность идеи, чѣмъ движения. Тяжелое и трудно перевариваемое блюдо, съѣденное нами незадолго передъ сномъ, составляетъ всѣмъ известную причину одной формы кошмары, при которой намъ кажется, что на нашу грудную клѣтку давить всей своей тяжестью какая-то гора или какое-то чудовище. Трудно сказать, будетъ ли сновидѣніе прямымъ результатомъ дѣйствія переполненного желудка на мозгъ или косвеннымъ результатомъ затрудненія функций

легкихъ и сердца; во всякомъ случаѣ интересно замѣтить, насколько наши представлениа обѣ этой подавленности выражаютъ дѣйствительную причину. Неправильное пищевареніе почти всегда вызываетъ сонъ съ сновидѣніями. Неизвѣстно, даетъ ли селезенка когда либо специфическую окраску сновидѣнію, но не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что разстройство печени и кишечника служатъ причиной сновидѣнія, вліяя на характеръ послѣдняго. Всякая стадія въ прохожденіи пищи черезъ пищеварительный каналъ можетъ вліять на возбужденіе мозга, причемъ это возбужденіе тотчасъ же объясняется (подобно тому, какъ и другія чувствованія субъективнаго происхожденія), согласно объективнымъ опытамъ вѣнчнихъ чувствъ. Мнѣ нѣсколько разъ случалось видѣть сонъ, будто я долженъ сдѣлать посмертное вскрытие тѣла, но всякий разъ человѣкъ этотъ оживаетъ, приподнимается и садится на томъ столѣ, гдѣ я долженъ былъ работать. Въ одномъ случаѣ я схватываю деревянный молотъ и бью имъ по головѣ ожившаго изо всей силы, въ другомъ—я запускаю всю мою руку въ открытую грудную полость и вытаскиваю оттуда сердце, но ни одна изъ этихъ мѣръ не убиваетъ его и онъ продолжаетъ дѣйствовать какъ живой человѣкъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, насколько я помню, у меня было какое-то не поддающееся описанію чувство замѣшательства, удивленія и опасенія, что мнѣ придется вскрывать живаго человѣка; кромѣ

того, существовало еще сильное чувство личной подавленности или унижения, которого я никогда не испытывалъ въ действительности послѣ того, какъ вышелъ изъ школы. Такое сновидѣніе, какъ мнѣ кажется, всегда являлось въ связи съ какимъ нибудь беспокоющимъ состояніемъ кишечника; не потому, чтобы послѣднее могло какимъ нибудь образомъ вліять на особенные происшествія моего сновидѣнія, но потому, что имъ, вѣроятно, обусловливалось основное чувство подавленности. Я знаю одного очень знаменитаго человѣка, который въ то время, какъ страдаетъ иѣкоторымъ разстройствомъ кишечника, видитъ себя во снѣ на железнодорожной станціи ходящимъ изъ ватеръ-клозета въ ватеръ-клозеть. Онъ отчаивается, видя всѣ мѣста занятыми или при условіяхъ, не позволяющими ему воспользоваться ими. Существуетъ еще одинъ косвенный путь, посредствомъ котораго разстройства кишечника могутъ вліять на умственныя состоянія во время сна, а именно при помощи вліянія, производимаго ими на кожу. При существованіи раздраженія или другаго разстройства въ слизистой оболочкѣ желудка и кишокъ, во внѣшнемъ покровѣ тѣла, который составляетъ ея непосредственное продолженіе, обнаруживается то же самое: раздражительность его повышается, чувствительность дѣлается ненормальной, вслѣдствіе чего и смыслъ полученныхъ имъ впечатлѣній извращается въ сновидѣніи болѣе, чѣмъ обыкновенно.

Изъ внутреннихъ органовъ наибольшее вліяніе на мозгъ оказываютъ органы воспроизведенія; сны, обусловленные этими послѣдними, имѣютъ такой характеръ, который не позволяетъ сомнѣваться въ специфическомъ характерѣ стимула. Не входя въ подробное разслѣдованіе явлений, я ограничусь только краткими выводами, которые вслѣдствіе большей опредѣленности этихъ явлений могутъ объяснить намъ то, что представлялось намъ темнымъ въ вліяніи другихъ органовъ. Во-первыхъ, мы должны сдѣлать вѣроятный выводъ, сдѣланный на основаніи ихъ характеристического вліянія на сновидѣнія, что такія же специфическія, хотя и менѣе рѣзкія вліянія получаются и при дѣйствіи другихъ органовъ. Затѣмъ мы должны замѣтить, что тѣ характеристическія сновидѣнія, которыя появляются впервые, какъ только органы воспроизведенія начнутъ функционировать, бываютъ у индивидуума прежде, чѣмъ онъ испыталъ дѣйствіе ихъ функций или наблюдалъ такое дѣйствіе. Опытъ вполнѣ согласуется съ тѣмъ фактомъ, что нѣть необходимости учить молодаго человѣка какъ проявлять эти функции, такъ какъ инстинктъ даетъ пониманіе, необходимое для исполненія. Ясно, что существуетъ у каждого человѣка въ мозгу первыя субстраты, которые остаются бездѣятельными до периода половой зрѣлости, съ наступленіемъ которой они впервые начинаютъ функционировать. Это можетъ заставить насъ обратить вниманіе на то,

что многія особенности въ мысли, чувствованіи и поведеніи, отличающія насъ отъ другихъ лицъ, обязаны своимъ происхожденiemъ нервнымъ субстратамъ, унаслѣдованнымъ нами отъ нашихъ близкихъ и отдаленныхъ предковъ; можетъ быть нѣкоторые изъ этихъ субстратовъ начинаютъ проявлять свою функціональную дѣятельность въ связи съ особыми физическими измѣненіями, относящимися къ известнымъ періодамъ жизни. Индивидуумъ, начинающій чувствовать, думать и дѣйствовать сообразно съ тѣми своими наклонностями, которые наступаютъ лишь съ переворотомъ, обусловленнымъ половой зрѣлостью, можетъ также развивать особенности мыслей и чувствъ своихъ предковъ, въ первый разъ, позднѣе въ жизни, когда функціи органовъ воспроизведенія приходятъ въ упадокъ или прекратились. Наконецъ, душевныя проявленія, обусловливаемыя дѣятельностью этихъ органовъ, могутъ служить намъ для указанія того, каковъ дѣйствительный характеръ вліяній, оказываемыхъ внутренними органами, и какие изъ факторовъ духа обязаны своимъ происхожденiemъ внутреннимъ органамъ. Они порождаютъ особый тонъ или чувствованіе души, которое можетъ вызывать къ дѣятельности известныя идеи, относящіяся къ этому чувству (*related ideas*), и сообщаютъ имъ силу желанія, опредѣляющую поведеніе; но они не вліяютъ непосредственно, какъ думаютъ нѣкоторые, на нашъ разсудокъ, который есть функція живот-

ной жизни или жизни соотношений и развивается изъ ощущений и двигательныхъ реакций на нихъ, т. е. изъ способности получать впечатлѣнія извнѣ и дѣлать къ нимъ отвѣтныя приспособленія. Обязанности интеллекта — сдерживать и направлять, подобно рулевому, силу индивидуальности, явившуюся изъ безсознательныхъ нѣдръ органической жизни; соотвѣтственные идеи, вызываемыя каждымъ особеннымъ настроениемъ чувства, представляютъ собою, такъ-сказать, каналы или формы, въ которыхъ данному чувству свойственно выражать себя въ тѣхъ случаяхъ, когда оно не переводится тотчасъ же въ дѣятельность, и будетъ ли такая идеационная дѣятельность (т. е. не внѣшняя работа, а вызваніе разныхъ идей) благоразумнымъ или неразумнымъ выраженіемъ основнаго чувства, зависитъ значительно отъ воспитанія и жизненного опыта. Я уже достаточно обозначилъ значеніе физиологического дѣйствія внутреннихъ органовъ въ возбужденіи и характеръ сновидѣнія. Въ цѣломъ, весьма вѣроятно, что эти органы являются самыми дѣятельными агентами въ этомъ отношеніи, такъ какъ тѣло спитъ, но они не спятъ, они продолжаютъ свою, хотя и пониженнную, дѣятельность и ночью. Если сонъ легокъ, или если одна или нѣсколько изъ ихъ функций настолько не въ порядке, что могутъ явиться какъ непривычный стимулъ, то ихъ влияніе на мозгъ будетъ выражаться въ неправильныхъ дѣятельностяхъ сновидѣнія, въ случаѣ если оно не настолько энергично, чтобы причинить пробужденіе.

4) *Мускульная чувствительность.* Существуютъ разсказы о многихъ древнихъ людяхъ, отличавшихся своею святою жизнью, какъ мужчинахъ, такъ и женщинахъ, что они во время своихъ экстазовъ приподнимались отъ земли и летѣли на небо, и весьма вѣроятно, что многие изъ нихъ чувствовали и вѣрили, что такъ было дѣйствительно. Св. Филипъ Нери, св. Дунстанъ, св. Христина едва были удержаны отъ такого полета своими друзьями, а про Агнесу Богемскую рассказываютъ, что она, гуляя однажды въ саду, была внезапно приподнята отъ земли и исчезла изъ глазъ своихъ спутниковъ. На ихъ заботливые разспросы послѣ ея возвращенія на землю, она не отвѣчала, но сладко и мило улыбалась. Каждый изъ насъ въ то или другое время испытывалъ нѣчто подобное въ сновидѣніи. За объясненіемъ этого явленія не нужноходить далеко; мы можемъ имѣть, такъ сказать, двигательную галлюцинацію (галлюцинацію движенія) и воображать, что дѣламъ движеніе, котораго на самомъ дѣлѣ не происходитъ, совершенно такъ же, какъ у насъ бываютъ галлюцинаціи чувствъ, когда мы воображаемъ, что видимъ или слышимъ то, чего нѣть. Такія двигательныя галлюцинаціи мы испытываемъ, напр., при головокруженіяхъ, когда намъ кажется, что комната вертится кругомъ насъ. Здѣсь непосредственное ощущеніе (*intuition*) движений, являющееся вслѣдствіе разстроенной дѣятельности двигательныхъ центровъ и потому совершенно субъ-

ективное, представляется намъ объективнымъ, соотвѣтственно нашему обычному чувственному опыту, подобно тому, какъ чувствованія субъективнаго происхожденія перетолковываются объективно и дѣлаются такимъ образомъ галлюцинаціями. Нѣкоторыя лѣкарства, вспрыснутыя въ кровь, производятъ въ началѣ своего дѣйствія головокруженіе, на дальнѣйшихъ же ступеняхъ можетъ быть даже и судороги; въ первомъ случаѣ они умѣренно вліяютъ на двигательныя центры и связанные съ ними чувственныя центры, возбуждая ихъ къ неnormalной дѣятельности, субъективная форма которой и есть головокруженіе; затѣмъ они дѣйствуютъ сильнѣе и разстроенная энергія находитъ себѣ исходъ въ дѣйствительныхъ судорогахъ. Пьяный, закрывая глаза, чувствуетъ, что постель опускается подъ нимъ вслѣдствіе того, что въ этой формѣ перетолковывается для него объективно разстройство его двигательныхъ непосредственныхъ ощущеній (интуицій). Когда же онъ падаетъ на полъ или ударяется головой объ стѣну, ему кажется, что полъ приподнялся и сшибъ его съ ногъ, а стѣна надвинулась такъ, что ударила его по головѣ. Разстройства его двигательной сферы и галлюцинаціи составляютъ прямое послѣдствіе отравленія его нервныхъ центровъ алкоголемъ. Однимъ изъ послѣдствій аконита, принятаго въ отравляющей дозѣ, служитъ чувство расширенія собственнаго тѣла въ пространствѣ, или ощущеніе его какъ бы висящимъ въ воздухѣ.

Такое чувство въ этомъ случаѣ зависитъ главнымъ образомъ, вѣроятно, отъ потери чувствительности на поверхности тѣла, какъ послѣдствіе принятія яда; вслѣдствіе этой потери наблюдаемый субъектъ не чувствуетъ своего соприкосновенія съ тѣмъ, что находится въ немъ его. Если прикасаются къ какой нибудь части его тѣла и онъ не чувствуетъ никакого ощущенія, то эта часть тѣла кажется не принадлежащею ему, и онъ объясняетъ перерывъ ощущеній между нимъ и внѣшними предметами дѣйствительнымъ отдѣленіемъ себя отъ всего вещественнаго, какъ бы это было въ томъ случаѣ, если бы онъ носился въ воздухѣ. Эти примѣры могутъ служить указаніемъ, какую большую роль двигательныя галлюцинаціи, соединенные, какъ это обыкновенно бываетъ, съ разстройствами въ сферѣ чувствъ, играютъ въ явленіяхъ сновидѣнія.

Неудобное положеніе, принятое случайно спящимъ, служить иногда причиною сновидѣнія въ которомъ онъ видитъ себя вступившимъ въ отчаянную борьбу или взирающимся съ опасностью жизни по крутой стѣнѣ пропасти; когда онъ хочетъ сдѣлать послѣднее конвульсивное усилие, чтобы спасти себя и чувствуетъ, что вѣроятно ему не удастся сдѣлать это тотчасъ же, то онъ просыпается и такимъ образомъ выходитъ изъ стѣсненного положенія. Точно также часто случается сновидѣніе, въ которомъ спящій видитъ, что ему предстоить неминуемая опасность паденія съ высоты,

и онъ просыпается какъ разъ въ то время, когда дѣлаетъ страшное усилие избѣжать этого паденія. Думаютъ, что такое сновидѣніе обусловливается постепеннымъ ослабленіемъ мускуловъ у засыпающаго и слѣдующимъ за этимъ сокращеніемъ ихъ, какъ это мы наблюдаемъ иногда у спящаго, когда голова его вслѣдствіе ослабленія мускуловъ подается впередъ и падаетъ на грудь, затѣмъ при сокращеніи этихъ мускуловъ внезапно откидывается назадъ. Такое сновидѣніе можетъ обусловливаться также наклоннымъ положеніемъ кровати, на которой поконится наше тѣло. Послѣ большаго мускульнаго упражненія, какъ напримѣръ, послѣ восхожденія на высокія горы, мнѣ часто снилось, что я скатываюсь въ пропасти, падаю въ бездны и т. п. Эти сновидѣнія были иногда до такой степени живы, что я по пробужденіи протягивалъ руки и ощущалъ края моей кровати и только тогда убѣждался, что со мной ничего особеннаго не случилось; безъ сомнѣнія, утомленные мускулы, при посредствѣ своихъ двигательныхъ центровъ, послужили причиною для такой умственной драмы, въ которой приняли участіе также и чувственныя впечатлѣнія дня. Но однажды я былъ удивленъ, когда мнѣ приснился такой сонъ, такъ какъ въ теченіе дня я не дѣлалъ никакого особеннаго мускульнаго упражненія, не былъ вблизи какихъ бы то ни было горъ и сначала не могъ припомнить ничего, что могло вызвать такое сновидѣніе; однако, подумавъ,

я вспомнилъ очень непродолжительный опытъ дня, который, какъ мнѣ кажется, могъ служить достаточнымъ основаниемъ. Я быстро ѿхалъ въ телѣжкѣ, торопясь на желѣзнодорожную станцію за городомъ, и когда лошади завернули за уголь дороги, то вслѣдствіе того, что телѣжка наклонилась на одинъ бокъ, мои мускулы невольно сократились, такъ какъ наклоненіе телѣжки вызвало во мнѣ необходимость удержаться на сидѣнїи. Не можетъ быть сомнѣнія, что это моментальное чувство теряющагося равновѣсія было причиной ночнаго сновидѣнія. Когда Брэйдъ вызывалъ въ умахъ людей, приводимыхъ имъ въ гипнотической сонѣ, мысли, ассоціированныя съ извѣстными положеніями тѣла, путемъ приведенія тѣла въ требуемое положеніе—то онъ пользовался извѣстными мускульными дѣйствіями для полученія соотвѣтствующихъ имъ состояній сознанія. Безъ всякаго сомнѣнія, онъ бы могъ вызвать эти мысли одинаково успѣшно безъ всякаго мускульнаго дѣйствія, только употребивъ, если-бы это было возможно, соотвѣтствующій стимулъ на одни двигательные центры, и возбуждая этими путемъ двигательныя представленія (интуїціи) безъ дѣйствительныхъ движеній, подобно тому, какъ ложныя представленія о различныхъ положеніяхъ ампутированной ноги возбуждаются раздраженіемъ ея нервовъ. Мы едва ли можемъ сомнѣваться, что тѣ явленія, которыя м-ръ Брэйдъ вызывалъ въ искусственномъ (гипнотическомъ) снѣ, существуютъ какъ

обычнаѧ веѧть и въ естественномъ снѣ, и должны быть принимаемы во вниманіе при произведеніи изслѣдованій надъ причинами сновидѣній.

Весьма интересно разсмотрѣть, имѣютъ ли движенія сердца и дыханія, совершающіяся во время сна безъ перерыва и безъ всякаго упадка энергіи, какое либо вліяніе на сновидѣнія. Что они не оказывають никакого вліянія, если они не учащены или не замедлены, доказывается фактъмъ (если признать, что это фактъ)—сна безъ сновидѣній.

Во многихъ случаяхъ мнѣ снилось, что я чувствую безотлагательную необходимость произвести тотчасъ же движеніе, если хочу остаться въ жирыхъ, причемъ я испыталъ яркое и настоятельное чувство что если не сдѣлаю такого движенія, то умру; и хотя я послѣ такого сновидѣнія нѣсколько разъ рѣшался оставаться спокойнымъ, въ случаѣ если оно со мной повторится, съ цѣлью узнать, что потомъ случится со мною, однако, мнѣ такой опытъ никогда не удавался. Опасеніе до такой степени поглощаетъ все въ данный моментъ, что требуемое вздрагиваніе или вздохъ всегда производились, и я просыпался въ сильномъ волненіи, причемъ сердце мое беспокойно билось. Такое сновидѣніе, вѣроятно, обусловливается затрудненною дѣятельностью сердца, которое, испытавъ подавленіе въ теченіе нѣкотораго времени, дѣлаетъ сильный толчекъ для наверстанія потеряного и затѣмъ продолжаетъ нѣкоторое время биться ускоренно. Мож-

но предполагать, что болѣе быстрая, чѣмъ обыкновенно, дѣятельность легкихъ и сердца, или ихъ обычна дѣятельность, но при исключительныхъ условіяхъ, чувствуется мозгомъ въ теченіе сна и придаетъ такимъ образомъ, извѣстный характеръ наступающему сновидѣнію. О томъ, каковъ будетъ этотъ характеръ, я ничего не могу сказать, хотя довольно вѣроятно то предположеніе, будто чувство полета въ сновидѣніяхъ обусловливается сознаніемъ ритмической дѣятельности легкихъ или дыхательныхъ движеній, возбуждающихъ представление о ритмѣ летательныхъ движеній; мнѣніе же, что въ этихъ непрерывныхъ движеніяхъ мы имѣемъ частные факторы, производящіе сновидѣнія, находится въ согласіи съ общими физіологическими соображеніями, и съ положительнымъ опытомъ, насколько этотъ послѣдній можетъ быть употребленъ въ такой темной области.

5) *Мозговое кровообращеніе.* Въ то время, когда мозгъ работаетъ, существуетъ болѣе дѣятельный приливъ крови, чѣмъ когда онъ находится въ покоѣ; но этотъ приливъ не долженъ быть чрезмѣрень, такъ какъ въ такомъ случаѣ невозможна правильное мышленіе. Существуютъ два условія, которые, какъ доказалъ опытъ, препятствуютъ успѣшной работе мысли, а именно чрезмѣрный или недостаточный приливъ крови къ мозгу. Но, однако, избытокъ крови въ мозгу можетъ существовать и при затрудненномъ кро-

веобращеніи, что также затрудняетъ мышленіе, такъ какъ препятствуетъ свободному оттоку испорченной и свободному притоку свѣжей крови. Когда кровеобращеніе черезъ чуръ дѣятельно, мысли бываютъ быстро смѣняющимися, несовершенными, преходящими, запутанными, смѣшанными, и рѣдко когда связными; и если физическое разстройство дѣлаетъ одинъ шагъ дальше, то запутанность мыслей перерождается въ настоящій бредъ, что мы можемъ наблюдать, напр., въ томъ случаѣ, когда оболочки мозга воспалены. Когда же черезъ мозгъ проходитъ мало крови, или эта кровь бѣдна составными элементами, то мышленіе также затрудняется, является медленность, апатія, невозможность сосредоточить вниманіе и положительная неспособность думать; и если условия физического разстройства продолжаются, то и здѣсь также наступаетъ бредъ, хотя болѣе безсвязный, болѣе слабый и менѣе энергичный, чѣмъ при гипереміи. Прилагая эти разсужденія къ состоянію мозгового кровеобращенія во время сна, легко понять, что колебанія его могутъ иногда служить причинами сновидѣній. Замѣчено, что эти послѣднія бываютъ иногда очень ярки и связны; спящій просыпается послѣ сновидѣнія, которое казалось ему очень реальнымъ, засыпаетъ опять и опять погружается въ не менѣе реальное сновидѣніе, которое ведеть снова къ пробужденію; вотъ онъ заснулъ опять и опять дѣйствуетъ въ такомъ же ясномъ сновидѣніи.

ній, какъ предъидущія. Сновидѣнія слѣдуютъ за сновидѣніями, быстро смѣняясь одни другими, такъ что спящій можетъ воскликнуть словами Іова— «когда я говорю, что постель успокоитъ меня, и ложе мое утишить мое горе,—тогда ты пугаешь меня снами и ужасаешь меня видѣніями».

Весьма вѣроятно, что эти яркія и связныя сновидѣнія обозначаютъ состояніе общей дѣятельности мозгового кровообращенія и что они слѣдуютъ одно за другимъ все время, пока продолжается это состояніе. Несчастье здѣсь состоитъ въ томъ, что при такихъ условіяхъ причина и слѣдствіе дѣйствуютъ и воздѣйствуютъ такъ, что взаимно поддерживаютъ другъ друга: сильный или быстрый притокъ крови возбуждаетъ нервные элементы, которые, въ свою очередь, возбуждаютъ и поддерживаютъ дѣятельное кровообращеніе; мы могли бы покойно заснуть, если бы уменьшился притокъ крови, но притокъ крови могъ бы уменьшиться только тогда, еслибы замедлилось или прекратилось быстрое теченіе идей въ нашей душѣ. Между тѣмъ, ни то, ни другое не можетъ начаться само по себѣ. Дѣйствіе различныхъ мѣръ, рекомендуемыхъ, какъ успѣшныя средства для искусственного засыпанія, обусловливается тѣмъ, что во всѣхъ ихъ вниманіе упорно устремляется на какой-нибудь одинъ предметъ или явленіе, которое по своей однообразной природѣ, можетъ въ теченіе достаточного промежутка времени дать возможность замедлиться всѣмъ

активнымъ идеямъ. Если мы вообразимъ себѣ постоянный однообразный звукъ, или текущую рѣку или свисть воздуха при прохожденіи его черезъ ноздри и устремимъ свое вниманіе на одинъ изъ такихъ предметовъ нашего воображенія, не позволяя ему переходить на болѣе возбуждающія мысли, или если будемъ тихо повторять какія-нибудь стихи или считать начиная съ единицы, и т. п. то мы получимъ всѣ схемы, дѣйствующія вышеуказаннымъ образомъ. Достигненіе этими мѣрами успѣшаго результата будетъ болѣе возможнымъ, какъ доказалъ мнѣ опытъ, если мы нарочно ослабимъ дыханіе и произвольно закатимъ глазныя яблоки кверху, какъ это дѣлается нами непроизвольно во время сна.

Мѣстныя колебанія кровообращенія могутъ счи-таться,—на основаніи подобныхъ же соображеній,—причинами сновидѣній, хотя не представляющихъ такой длинной серіи и болѣе связныхъ по характеру. Конечно, такія частныя колебанія кровообращенія могутъ случаться, хотя бы мы и не были въ состояніи опредѣлить точно причину ихъ. Обращая, однако, вниманіе на множество путей сообщенія между различными частями тѣла и мозгомъ, въ различныхъ участкахъ котораго эти части тѣла имѣютъ своихъ мѣстныхъ представителей, легко понять, что какое-нибудь незначительное разстройство въ одной изъ этихъ частей можетъ временно при посредствѣ сосудо-двигательныхъ нервовъ раз-

строить и кровообращение той части мозга, которая служить ея представителемъ; этотъ сосудистый участокъ будетъ или наливаться кровью, или блѣднѣть соотвѣтственно состоянію органа. Байлларже разсказываетъ случай, который можетъ быть приведенъ съ такимъ же правомъ здѣсь, какъ и гдѣ бы то ни было въ другомъ мѣстѣ. Одинъ кушецъ грекъ долго страдалъ гемороидальнымъ истеченіемъ, которое, наконецъ, благодаря лѣченію было остановлено. Но тотчасъ же за излѣченіемъ онъ началъ страдать болями въ головѣ, однако, безъ всякихъ признаковъ бреда. Къ этому присоединилось еще одно замѣчательное явленіе: каждую ночь ему снилось, что онъ обладаетъ безмѣрнымъ богатствомъ и раздаетъ деньги и почести всѣмъ окружающимъ его. Повтореніе сна каждую ночь до такой степени поразило его своею необыкновенностью, что онъ говорилъ объ этомъ со своими друзьями. Спустя нѣкоторое время у него явился бредъ, характеризующійся тѣми же чертами, которыя преобладали въ его сновидѣніяхъ въ теченіе двухъ недѣль; дѣйствительно экзальтированный бредъ былъ только продолженіемъ сновидѣнія. Мы можемъ допустить, что въ этомъ случаѣ вслѣдствіе прекращенія гемороидального истеченія произошло разстройство въ мозговомъ кровообращеніи, выразившееся сначала въ головной боли, затѣмъ въ ночномъ сновидѣніи и далѣе, что сосудистое разстройство при сопровождающей его частичной мозговой дѣятельности обра-

тилось съ течениемъ времени въ хроническое и постоянное.

Количество крови представляетъ собою не менѣе важный факторъ, чѣмъ качество и распределеніе ея. Постороннія вещества, развившіяся въ ней, или введенныя извнѣ, усиливаютъ, ослабляютъ, или извращаютъ функціи высшихъ мозговыхъ центровъ, давая начало или времененному возбужденію умственной энергіи, или ступору, коматозному состоянію (оцѣпенѣнію) или бреду. Постоянныя перемѣны въ составѣ крови, составляющія послѣдствія ея потребленія и возобновленія при питаніи тканей, также претерпѣваютъ отъ времени до времени измѣненія въ составныхъ веществахъ, могущихъ вліять какъ на нервные центры, такъ и на другія ткани организма, возбуждая, понижая или разстраивая ихъ функциональную дѣятельность; очевидно, что обращеніе такихъ продуктовъ въ крови можетъ быть дѣятельною причиной сновидѣнія. Кровь, обѣднѣвшая вслѣдствіе недостатка въ какомъ-нибудь изъ постоянныхъ составляющихъ ее элементовъ, какъ, напр., при анеміи, когда существуетъ недостатокъ желѣза, или кровь нечистая, вслѣдствіе содержанія въ ней какихъ-нибудь ненужныхъ продуктовъ тканей, которые должны бы были быть выведены, какъ это бываетъ, когда затрудненное дыханіе не даетъ ей возможности полаго освобожденія отъ углекислоты, или при накопленіи въ ней какой-нибудь изъ составныхъ частей жолчи,

или мочевой кислоты, которая должна бы быть выведена почками — при всѣхъ этихъ условіяхъ можно ожидать, что она будетъ дѣйствовать на мозгъ во снѣ съ такою же силою, какъ и въ состояніи бодрствованія.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду факта, находящагося въ связи съ вышеприведеннымъ, а именно, что испорченная или измѣненная кровь будетъ дѣйствовать на всякий нервный центръ, — будетъ ли онъ чувствительнымъ, двигательнымъ, сосудо-двигательнымъ или центромъ идеацій. Субъективныя зрительныя ощущенія, какъ-то: яркія пятна, свѣтлые круги, разноцвѣтныя мушки, неясныя фигуры обязаны своимъ происхожденіемъ непосредственному раздраженію сѣтчатки или ея центрального узла; таکія явленія наблюдаются почти всегда передъ сномъ, и если мы обратимъ на нихъ вниманіе — могутъ служить поводомъ для сновидѣнія или входить въ него. Двигательныя субъективныя ощущенія (интуиціи) могутъ быть возбуждены подобнымъ же образомъ дѣйствиемъ испорченной крови на двигательные нервные центры; точно также кровь будетъ дѣйствовать и на сосудо-двигательные центры, регулирующіе сокращеніе кровеносныхъ сосудовъ и вліяющіе такимъ образомъ на мозговое кровообращеніе; вслѣдствіе же прохожденія ея черезъ высшіе нервные центры, она будетъ возбуждать идеи механически, независимо отъ обычныхъ путей ассоціацій, и весьма, вѣроятно причинять такимъ обра-

зомъ самыя несвязныя сновидѣнія, характеризующіяся быстрыми превращеніями и причудливыми несообразностями.

Иногда случается, что сновидѣнія предшествуютъ какому нибудь серьезному физическому заболеванію, которое они какъ будто предсказываютъ; прежде чѣмъ наступитъ лихорадочный бредъ, больного беспокоятъ и раstraиваютъ яркія сновидѣнія мрачнаго характера, такъ что появляющійся бредъ кажется какъ бы ихъ продолженiemъ. Во время дальнѣйшаго прогрессированія лихорадочнаго состоянія, когда еще нѣть, однако, настоящаго бреда, у больного пропадаетъ всякая наклонность ко сну, хотя бы онъ отдалъ все на свѣтѣ, чтобы только уснуть; мучительныя мысли быстро смѣняютъ одна другую, и его подавляетъ страшное чувство глубокаго угнетенія и неопределенного ужаса; все это до такой степени невыносимо, что ему кажется, что онъ не согласился бы переиспытать все это снова ни за что на свѣтѣ. Если изображеніе ада нуждается въ объясненіи, то нравственныя страданія больного бредомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ дать его. Проявлению острой ма-
ни съ характеромъ величія иногда предшествуютъ сновидѣнія веселаго и самодовольнаго характера; подобнымъ же образомъ предвестниками приступа меланхоліи бываютъ мрачныя и тяжелыя сновидѣнія. Въ одномъ случаѣ ко мнѣ обратилась за свѣтомъ одна лэди, перенесшая нѣсколько присту-

повъ глубокой меланхоліи, изъ которыхъ каждый длился по четыре мѣсяца; они раздѣлялись длинными промежутками здоровья, въ продолженіи которыхъ она была весела, занималась своимъ дѣломъ и представляла вполнѣшую противоположность съ тѣмъ, чѣмъ она бывала во время нездоровья. Замѣчательнымъ явленіемъ въ ея случаѣ было то, что передъ каждымъ приступомъ ей неизмѣнно снилось, будто онъ уже наступилъ и она больна, а передъ тѣмъ, какъ ему пройти, ей такъ же неизмѣнно снилось, что она поправилась и опять весела и довольна. Такія сновидѣнія-предвестники повторялись въ каждомъ случаѣ приступа и никогда ее не обманывали. И, однако, она не чувствовала себя веселѣе и лучше передъ выздоровленіемъ; ни даже болѣе энергичной непосредственно за выздоровленіемъ; напротивъ, за два или за три дня до того, какъ приходилъ приступъ, ей бывало гораздо хуже, чѣмъ обыкновенно, она бывала болѣе раздражительной, такъ что била все, что только попадалось ей подъ руку; по окончаніи же приступа она чувствовала истощеніе силъ, бывала очень слаба и не могла дѣлать ни малѣйшаго мышечнаго усиленія. Передъ каждымъ приступомъ всегда въ точности повторялись тѣ же самые симптомы желудочного разстройства, которое несмотря на множество перепробованныхъ средствъ, не поддавалось никакому лѣченію; языкъ дѣлался необыкновенно краснымъ, она щла мало или почти со-

всѣмъ не принимала пищи, причемъ наблюдалась упорная diarrея. Симптомы эти, безъ сомнѣнія, указываютъ на то, что первоначальное заболеваніе начиналось въ симпатической нервной системѣ, за которымъ слѣдовало вскорѣ ужъ и мозговое разстройство и, по всей вѣроятности, мозгъ чувствовалъ разстройство симпатической системы во время сна, а такимъ образомъ какъ бы предчувствовалъ и предсказывалъ угрожающую опасность прежде, чѣмъ она могла быть сознана въ состояніи бодрствованія; совершенно такимъ же образомъ предчувствовалось и предсказывалось выздоровленіе.

Я не знаю навѣрное, состояніемъ-ли крови обусловливаются сновидѣнія, находящіяся въ связи съ нѣкоторыми болѣзнями, но это довольно вѣроятно въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Только изслѣдованіе можетъ отвѣтить на этотъ вопросъ, но его еще нужно сдѣлать. Пока мы можемъ положительно заключать только то, что количество крови представляетъ собою дѣйствительного фактора въ возбужденіи и угнетеніи дѣятельности мозговыхъ и другихъ первыхъ центровъ и отсюда въ произведеніи сновидѣній. Оно можетъ достигать результатовъ прямо или косвенно; прямо—дѣйствуя на высшіе мозговые центры такъ, что въ нихъ возбуждается неправильная дѣятельность, или прямо же на симпатическую нервную систему,—и косвенно—дѣйствуя на мозгъ вообще, причемъ производится глубокое нарушеніе въ чувственной при-

родѣ, дающее извѣстный преобладающій тонъ сновидѣнію.

6) *Состояніе нервной системы.* Всякому легко понять, какую трудность представляетъ изслѣдованіе состоянія нервной системы независимо отъ качества и дѣятельности крови; въ дѣйствительности они такъ тѣсно связаны, что представляютъ скорѣе одно сложное состояніе, чѣмъ два отдѣльныхъ, кооперирующихъ. Постоянно существующій обмѣнъ веществъ между кровью и элементами нервной ткани—клѣточкой (cell), составляетъ существенную часть функцій послѣдней, какъ живой клѣточки; безъ такого обмѣна она не могла бы проявлять никакихъ функцій, такъ какъ она представляетъ сама по себѣ какъ бы родъ механическаго станка, дѣятельность котораго поддерживается плазмой (plasma), доставляемой кровью, которая употребляется и потрачивается въ работѣ этого механическаго станка; поэтому то онъ и чувствуетъ малѣйшее измѣненіе въ качествѣ снабженія кровью. Но и самый корпусъ машины изнашивается отъ времени; онъ изнашивается или естественно, съ разрушительными годами старости, или преждевременно, если подвергается постоянной, чрезмѣрной работе. Кровь не только снабжаетъ нервъ высокой потенціальной силой, заключающейся въ изобильной плазмѣ, изъ которой образуется живая энергія нервной функціи разряженія, но на ея же обязанности лежитъ поддержаніе въ цѣлости нервной

структуръ; въ послѣднемъ она можетъ не успѣвать если нервъ непрерывно подвергается какому нибудь чрезмѣрному напряженію. Вслѣдствіе разрушенія, обусловливаемаго въ первыхъ элементахъ или напряженіемъ функціи или естественнымъ упадкомъ, вслѣдствіе также временныхъ измѣненій въ первомъ тонѣ, зависящихъ, какъ кажется, отъ атмосферическихъ условій, я счелъ пригоднымъ сгруппировать факты, относящіеся къ непосредственному состоянію нервной системы, подъ отдѣльную рубрику.

Состояніе умѣренного нервнаго истощенія будеть ли оно обусловливаться физическимъ или умственнымъ утомленіемъ или другою какою либо причиною, какъ замѣчено, весьма благопріятно для появленія сна. Но когда истощеніе доведено до крайнихъ предѣловъ, благопріятныя условія исчезаютъ и данный субъектъ или вовсе не можетъ уснуть, или не можетъ спать крѣпко; онъ можетъ по временамъ урывками погружаться въ беспокойную, неосвѣжающую дремоту, во время которой его преслѣдуютъ сновидѣнія, на столько похожія на мелькающіе причудливые образы нашей полу-дремлющей фантазіи, что онъ остается въ сомнѣніи—спалъ ли онъ въ дѣйствительности или иѣть. Всѣмъ хорошо известенъ тотъ фактъ, что всякое нравственное потрясеніе или большое горе, вызвавшее много душевнаго волненія или напряженія въ теченіе дня, будетъ разстраивать и

ночной сонъ непріятными сновидѣніями; на столько же вѣрно, хотя можетъ быть и не такъ всѣмъ известно, что истощенное и подавленное состояніе нервной системы, обусловленное слабостью къ какому либо излишеству,—въ особенности же къ половому,—будетъ производить тѣ же самые результаты. Сновидѣнія, появляющіяся при такихъ условіяхъ, обнаруживаютъ свое происхожденіе своимъ характеромъ. Такія сновидѣнія бываютъ непріятны и мрачны, потому что обставлены тяжелыми и горестными представлѣніями того или другого рода,—показателями состоянія органическаго элемента, предполагающаго пониженіе его жизнедѣятельности. Нравственный надрывъ, какъ и физическое излишество, способны произвести одинаковые физические результаты въ мозговыхъ нервныхъ центрахъ, именно поглощеніе энергіи и пониженіе жизнедѣятельности, которая въ сновидѣніи являются въ видѣ угнетенія, недовольства или самоуниженія, подобно тому, какъ физическая боль, испытываемая нами передъ отходомъ ко сну, превращается иногда въ гонителя въ нашемъ сновидѣніи. Мы не можемъ сдѣлать преувеличенія, если скажемъ, что моральныя причины имѣютъ огромныя физическія послѣдствія; нравственный ударъ можетъ убить также мгновенно и также вѣрно какъ ударъ молнии, когда это случается, то и дѣйствіе удара и его результатъ несомнѣнно столь же физическіе въ первомъ случаѣ, какъ и во второмъ. Точно также

мы никогда не можемъ преувеличить, говоря о послѣдствіяхъ истощенного физического состоянія по отношенію къ психическому тону и силѣ.

Всякій, кто настолько несчастливъ, что страдаетъ отъ безсонницы и дурныхъ сновидѣній, долженъ подумать о томъ, что его здоровье требуетъ вниманія; при этомъ окажется, что онъ живеть неблагоразумно въ томъ или другомъ отношеніи. Просвѣщенный человѣкъ можетъ даже пользоваться своими сновидѣніями, нѣкоторымъ образомъ, какъ мѣриломъ здоровья. Когда Гамлетъ объявлялъ, что онъ могъ бы жить заключеннымъ въ орѣховой скорлупѣ и считать себя владѣтелемъ безконечнаго пространства, если бы не имѣлъ дурныхъ сновидѣній,—онъ страдалъ отъ сильнаго нравственнаго потрясенія, произведенаго страшнымъ открытиемъ убийства его отца, возвѣщенаго его тѣнью, и ужаснымъ нравственнымъ напряженіемъ, вслѣдствіе лежавшаго на немъ обязательства отмстить за преступленіе; его сновидѣнія,—если мы примемъ, что онъ думалъ буквально то же самое, что говорилъ,—были признакомъ и результатомъ истощенія нервной энергіи, которое могло бы довести менѣе сильный умъ до помѣшательства. Чрезмѣрная работа и тревога составляютъ всѣмъ извѣстныя причины безсонныхъ ночей и дурныхъ сновидѣній; хотя я убѣжденъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ приписываемыхъ чрезмѣрной работѣ, вредные результаты, возбуждавшіе опасеніе, обу-

словливались не столько чрезмѣрнымъ напряженіемъ ума, какъ неблагоразумными излишествами въ другихъ отношеніяхъ. Въ такихъ случаяхъ наиболѣе виновата была чрезмѣрная распущенность жизни. Дѣловой человѣкъ, исполняя рутинно свои ежедневныя обязанности, не испытываетъ разнообразія впечатлѣній, за исключеніемъ, можетъ быть, какихъ нибудь экстренныхъ случаевъ горя или случайностей раззоренія и наживы; вѣнѣ своего занятія у него нѣтъ интересовъ; если онъ не занятъ, ему ничего не остается, какъ ютиться, или спать; весьма вѣроятно что онъ ютиться много, пить вволю и не стѣсняется въ половыхъ излишествахъ; такимъ образомъ проходитъ у него день за днемъ, годъ за годомъ до тѣхъ поръ, пока не ослабѣеть эластичность его нервной системы. Тогда то онъ обращается за совѣтомъ къ врачу, потому что онъ страдаетъ бессонницей, работа утомляетъ его какъ никогда прежде, онъ чувствуетъ раздраженіе и упадокъ силъ. Въ такомъ случаѣ болѣзнь его явилась прежде всего вслѣдствіе чувственной распущенности и проистекающаго отъ нея истощенія, также какъ и отъ несоблюденія правилъ нравственной гигіи; онъ могъ бы продолжать заниматься своимъ дѣломъ безовсякаго напряженія, еслибы онъ не израсходовалъ своего запаса силъ постояннымъ размѣромъ его на обычныя мелкія излишства, и такимъ образомъ создалъ себѣ бремя изъ своего ежедневнаго занятія. Но я не буду

больше распространяться по этому поводу, я коснулся вышеприведенного факта единственно съ цѣлью выяснить тождественность результатовъ по отношенію къ сну и сновидѣнію, наблюданому въ послѣдствіяхъ психическихъ и физическихъ причинъ источенія нервныхъ элементовъ.

Когда первая структура испытываетъ порчу въ старческомъ возрастѣ, упадокъ ея естествененъ и я не знаю, чтобы сновидѣнія старыхъ людей были особенно непріятнаго характера. Упадокъ старости не представляетъ, подобно болѣзни, какого-то врага, противъ котораго возставали бы органическія силы съ цѣлью обороны, защищая себя съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ; организмъ признаетъ и принимаетъ этотъ упадокъ скорѣе какъ естественное пониженіе, облегчающее его синехожденіе къ смерти. Мы видимъ, что въ старости менѣе рѣзко различіе между сномъ и бодрствованіемъ, т. е. и сонъ, и бодрствованіе менѣе совершенны, чѣмъ въ періодахъ юности и возмужалости; природа приближается къ послѣднему сну, приготовляется къ нему. Когда упадокъ достигаетъ послѣдней ступени передъ смертью и жизнь какъ бы мелькаетъ передъ своимъ исчезновеніемъ, то появляются блуждающія грэзы, очень похожія на сновидѣнія—и сновидѣнія, подобныя слабому колеблющемуся бреду. Лордъ Жеффрей въ послѣднемъ своемъ письмѣ, написанномъ за день до смерти, даетъ слѣдующій отчетъ о своемъ состояніи: «Я не

думаю, чтобы я спалъ какъ слѣдуетъ въ послѣднія три ночи, такъ какъ временами мнѣ казалось, что я испытываю какое-то состояніе полудремоты, во время котораго я сознаю, что лежу въ постели, причемъ глаза мои поперемѣнно то смыкаются, то раскрываются», видя любопытныя видѣнія. Онъ видѣлъ часть корректурнаго листа новаго изданія Апокрифа, и листъ о Барахъ и Макавеяхъ, и прочелъ большую часть его съ большимъ интересомъ; затѣмъ, огромныхъ размѣровъ калифорнійскую газету, наполненную всевозможными старыми объявленіями, изъ которыхъ нѣкоторыя заинтересовали его своею оригинальностью: «Я имѣлъ передъ собой отпечатанныя народныя комедіи до Шекспира, которые были отвратительны. Я могу поклясться, что видѣлъ напечатанную мелкимъ шрифтомъ статью политического содержанія, въ которой разсуждалось о свободѣ торговли, покровительственной системѣ, и колоніяхъ, похожую на статьи, печатающіяся въ „Times“, „Economist“ и въ „Daily News“. Я читалъ послѣднюю корректуру ея съ большими мученіями и трудомъ вслѣдствіе мелкой печати, но съ громаднымъ интересомъ и, какъ мнѣ кажется, занимался съ перерывами, дѣлая ихъ не раньше, какъ черезъ часть чтенія; при этомъ я составлялъ себѣ мнѣніе о достоинствахъ этой статьи съ большою легкостью и проницательностью, часто говоря самому себѣ: «Эта мысль очень тонко проведена, но она не выдерживаетъ критики по-

тому-то и потому-то¹). Литературные занятія его жизни оставили свой отпечатокъ на колеблющейся энергіи его угасающихъ нервныхъ центровъ и критическое направление его ума выказало себя въ послѣднихъ проявленіяхъ его мысли.

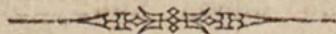
Сновидѣній дѣтства имѣютъ иногда мучительный характеръ, сопровождаясь чувствами ужаса и печали. Самое страшное сновидѣніе изъ всѣхъ, которыхъ я помню, сдѣлавшее меня несчастнымъ на цѣлый день до того, что я боялся лечь спать на слѣдующую ночь, и главныя черты котораго я до сихъ поръ помню, было въ такой ранній періодъ моей жизни, о которомъ я почти не имѣю никакихъ воспоминаній. Безъ всякаго сомнѣнія причины большаго числа такихъ сновидѣній въ дѣтствѣ лежать въ физическихъ растстройствахъ, зависящихъ отъ прорѣзыванія зубовъ, разстройства пищеваренія, несоответствующей пищѣ и т. п. Тѣлесная подавленность или страданіе облекаются умственно въ такія формы страха и огорченія, какимъ уже успѣло научиться дѣтское воображеніе, и соответственно этому ребенокъ видить во снѣ страшные образы львовъ и тигровъ или старыхъ злыхъ людей, пришедшихъ унести съ собою капризныхъ дѣтей. У дѣтей жизнь чувства береть верхъ надъ жизнью разсудка; они обыкновенно находятся то въ состояніи радости, то горя, то смѣются, то плачутъ; поэтому они въ

¹) Jeffrey's Life and Correspondence, by Lord Coburg, vol, I. p. 407.

сильной степени подвержены чувству страха, также какъ и дикіе. Весьма понятно, что иначе и быть не можетъ, такъ какъ ихъ индивидуальная беспомощность находится въ такомъ сильномъ контрастѣ съ кажущимся могуществомъ вещей, окружающихъ ихъ; кромѣ того, въ ихъ умѣ не накопилось еще достаточно опыта, который бы позволялъ имъ исправлять или контролировать путемъ размышленія представляющіеся имъ образы страха; послѣдніе въ сновидѣніи приобрѣтаютъ необыкновенно яркую окраску, вслѣдствіе отсутствія всѣхъ отвлекающихъ или измѣняющихъ его состояній сознанія. Мы видимъ поразительный примѣръ изолированной интенсивности ужасающаго образа сновидѣній въ одной формѣ кошмара, при которой ребенокъ нервного сложенія кричитъ раздирающимъ образомъ, испытывая, повидимому, величайшее горе и дико устремляетъ свои глаза на какой-то воображаемый предметъ. Несмотря на такой крикъ, ребенка невозможно разбудить впродолженіи нѣкотораго времени; это какъ бы настоящій экстазъ ужаса; тутъ существуетъ конвульсивная работа ужасающей мысли, такъ что на время нервные центры совершенно недоступны для другихъ впечатлѣній. Утромъ у ребенка нѣтъ ни малѣйшаго воспоминанія о томъ, что съ нимъ было ночью,—да и какъ бы онъ могъ помнить, когда психическое состояніе было изолировано своей конвульсивной энержіей. Другое обстоятельство, которое должно быть замѣ-

чено относительно спящихъ дѣтей состоять въ томъ, что они часто говорятъ во снѣ; идеи прямо по своемъ возникновеніи переводятся въ движение рѣчи, или, если они имѣютъ устрашающій характеръ,—въ вошли ужаса; такимъ же образомъ лошади во снѣ ржатъ и лягаются, собаки лаютъ и дрожатъ. Весьма вѣроятно до некоторой степени, что у дѣтей именно вслѣдствіе прямаго перехода (рефлекса) идей въ движение и вслѣдствіе немногочисленности этихъ идей происходитъ то, что они рѣдко помнятъ свои сновидѣнія; замѣчательно интересно въ этомъ отношеніи и то, что взрослые особы, разговаривающія во снѣ, не помнятъ своихъ сновидѣній, а между тѣмъ, когда не разговариваютъ—они ихъ прекрасно помнятъ.

Что касается до атмосферическихъ условій, электрическихъ или иныхъ, менѣе извѣстныхъ, то мы можемъ только сказать, что вліяніе ихъ весьма вѣроятно, хотя мы и не имѣемъ о немъ точныхъ свѣдѣній. Изученіе сновидѣній находилось въ пренебреженіи, тѣмъ не менѣе такое изученіе даетъ полное право надѣяться на обильные плоды въ случаѣ если оно будетъ предпринято хорошо подготовленными и компетентными наблюдателями и будетъ вестись строгимъ методическимъ путемъ. Весьма возможно, что самые большие шансы на успѣхъ будутъ имѣть въ этомъ случаѣ врачи.

ФІЗІОЛОГІЯ ЛЮБВІ.

(Physiologie de l'amour). П. Мантегацца.

Професора антропології и сенатора Італії. Переводъ подъ редакціей д-ра Гребенщикова. 2-е изданіе. Спб., Ц. 1 р.

Общая фізіология любви.—Любовь у растеній и у животныхъ.—Заря любви.—Хорошіе и дурные источники любви.—Дѣственница.—Стыдливость.—Позоръ любви.—Роняется ли и какъ погибаетъ любовь.—Правда и обязанности любви.—Ревность.—Цѣломудріе.—Ошибки и преступленія любви.—Права и обязанности любви.—Отрывокъ изъ трактата объ искусствѣ любить и быть любимымъ, и проч. и проч.

Прошедшее філософії. Опытъ соціологического изслѣдования общихъ законовъ развитія філософской мысли. Соч. Е. де Роберти, въ 2-хъ томахъ М. 86 г. Ц. 4 р.

ГІГІЕНА, ДІЭТА И ЛЪЧЕНІЕ

Нервныхъ людей. Соч. д-ра Мебіуса, переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціею д-ра С. М. Ершова. Спб. 1894 г., ц. 75 к.

Введеніе.—Причины нервности.—Наслѣдственность.—Возрастъ.—

Школа.—Полъ.—Національности и климатъ.—Цивилизація.—Образъ жизни.—Причины психической.—Причины тѣлесныя.—Разстройство душевной дѣятельности.—Разстройство чувствительности.—Разстройство движений.—Разстройства органовъ чувствъ.—Разстройства кровообращенія.—Разстройство органовъ дыханія и рѣчи.—Разстройство питанія и пищеварительныхъ органовъ.—Інныя разстройства.—общее теченіе нервности.—Лѣченіе нервности.—Предохранительныя мѣры.—Мѣры при заболѣваніи.—Лѣченіе.

Книжка д-ра Мебіуса, выдержанная въ Германіи нѣсколько изданій. Несомнѣнно, что у насъ она приобрѣтетъ значительный кругъ читателей, такъ какъ предметъ, о которомъ трактуетъ авторъ, интересенъ и не для специалиста. Въ книжкѣ разсматриваются причины нервности и способы ея лѣченія. Все это изложено популярно и подкреплено, вмѣстѣ съ тѣмъ, массою строгонаучныхъ фактовъ.

104 рисунка къ поэмѣ ГОГОЛЯ

МЕРТВЫЯ ДУШИ.

Рисовалъ художникъ Агінъ, гравировалъ Бернадскій. Спб. 1893 г. 4-е изд. (большой альбомъ), напечатан. на толстой бум. Ц. 1 р. 75 к. Альбомъ этотъ нуженъ всѣмъ лицамъ, когда-либо прочитавшимъ сочиненія Гоголя *Мертвые души*. Рисунки есть иллюстрація этого великаго произведенія. Издание, книгопродавца В. И. Губинскаго 1894 г. Этотъ изящно изданный альбомъ художественно исполненныхъ рисунковъ къ множеству выдающихся моментовъ безсмертной поэмы Н. В. Гоголя, несомнѣнно представляетъ цѣнныій вкладъ въ иллюстрированную литературу и можетъ служить украшеніемъ любой библиотеки и гостинной. Альбому предислано предисловіе Н. Лѣскова. По цѣнѣ это художественное изданіе слѣдуетъ признать баснословно дешевымъ.

Отзывъ газеты „Свѣтъ“.

КАЛЕВАЛА. Финская народная эпопея, полный стихотворный переводъ, съ предисловіемъ и примѣчаніями Л. П. Бѣльского (переводчикъ получилъ за свои труды Пушкинскую премію). Спб. 88 г., ц. 3 р.

Новѣйшая англійская литература, въ современныхъ ея представителяхъ. Соч. Тена. Перев. Д. С. Ивашинова. Спб. 76 г., ц. 1 р. 50 к.

ДѢТСТВО И ЮНОСТЬ

ВЕЛИКИХЪ ЛЮДЕЙ.

(Важнѣйшіе эпизоды и выдающіяся приключенія въ ихъ жизни),
Соч. Л. Колэ.

430 стр., съ 57 рисун., переводъ съ 12-го французскаго изданія
С. Майковой. Спб. 1895 г. ц. 1 р.

Семейная условія, какъ вообще и вся домашняя обстановка при какихъ роſь и развивался тотъ и другой изъ знаменитыхъ людей, постоянно возбуждаютъ въ насъ болѣе или менѣе сильное любопытство: насъ невольно интересуетъ характеръ привычки, взгляды и понятія, какъ отца, такъ и матери будущаго великаго человѣка;— намъ приятно знать, въ какой именно средѣ протекли годы его дѣтства, отрочества и первой юности,— приятно видѣть его то баловнемъ какой либо доброй старшей сестры, то любимцемъ брата, и сами мы со своей стороны невольно удѣляемъ частичку нашего сочувствія восхищению родителей, окружавшимъ его своими нѣжными заботами, любовью и ласками.

Предлагая нашимъ юнымъ читателямъ нѣсколько разсказовъ изъ дѣтства и отрочества нѣкоторыхъ знаменитыхъ людей, мы льстимъ себѣ надеждою, что они будутъ прочтены ими не безъ удовольствія.

НОВАЯ КНИГА:

ЭСТЕТИКА.

Владимірова, подъ редакціей В. В. Чуйко. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.

1) Общиа основания эстетики. 2) Объ эстетическомъ отношеніи природы. 3) О художественной дѣятельности. 4) Объ искусствѣ вообще. 5) Живопись. 6) Скульптура и архитектура. 7) Драматическая поэзія. 8) Пѣсни. 9) Вокальнамъ музыка. 10) Инструментальная музыка; о музыкальныхъ инструментахъ. 11) Танцевальное искусство. 12) Гимнастическое искусство. 13) Драматическое искусство. 14) Сценическое искусство. 15) О связи всѣхъ искусствъ вообще.

СОЦІОЛОГІЯ. Основная задача ея и методологіческія особенности, мѣсто въ ряду наукъ, раздѣленіе и связь съ биологіею и психологіею. Соч. Е. де-Роберти. Спб., ц. 2 р.

Съ требов. обращаться въ Книжный складъ В. И. ГУБИНСКАГО, у Министерства Внутреннихъ дѣлъ. За пересылку не платятъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 Февраля 1895 года.

Типографія Дома Призр. Малолѣтнихъ Бѣдныхъ. Лиговская ул., 26.

2011119805